

100-ЛЕТИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 100th ANNIVERSARY OF THE WORLD WAR I

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ «РУССКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА»

International Round Table “Russian Peasantry and World War I”

11 апреля 2014 г. в рамках научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» в Москве, в Российском обществе историков-архивистов (РОИА), состоялся Международный круглый стол «Русское крестьянство и Первая мировая война». Наряду с проектом «Народ и власть» и РОИА организаторами «стола» выступили Институт гуманитарного образования и информационных технологий (ИГУМОиИТ), Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ) и журнал «Новый исторический вестник».

В работе круглого стола приняли участие более 30-ти ученых, представлявших научные журналы, научно-исследовательские организации и вузы России, Беларуси, Украины. Среди них: кандидат исторических наук, профессор кафедры истории России новейшего времени Историко-архивного института РГГУ, первый заместитель председателя Правления Центрального совета РОИА, главный редактор группы журналов «Вестник архивиста», «Вестник архивиста.ru», «Вестник архивиста.com», «Вестник архивиста.TV» Иван Анатольевич Анфертьев; кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России средневековья и раннего нового времени ИАИ РГГУ Александр Борисович Асташов; доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ Владимир Валентинович Бабашкин; доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «История и философия» Тамбовского государственного технического университета Владимир Борисович Безгин; доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Белорусского экономического государственного университета, главный научный сотрудник Института Европы РАН Олег Григорьевич Буховец; доктор исторических наук, заведующий

сектором Восточной и Юго-Восточной Азии Института научной информации по общественным наукам РАН Александр Владимирович Гордон; доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой экономической и политической истории России Саратовского социально-экономического института Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова Елена Игоревна Демидова; аспирант кафедры истории России новейшего времени ИАИ РГГУ Анжела Валерьевна Долгова; кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова Наталия Алексеевна Дунаева; доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «История и философия» ТГТУ Милана Михайловна Есикова; кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Вологодского государственного педагогического университета Вероника Сергеевна Жукова; доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры экономической и политической истории России ССЭИ РЭУ им. Г.В. Плеханова Александр Викторович Захаров; доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой общеобразовательных дисциплин Российской академии правосудия Михаил Иванович Ивашко; доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «История России, краеведение и методика преподавания истории» Пензенского государственного университета Виктор Викторович Кондрашин; доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры современной отечественной истории Иркутского государственного университета Александр Валерьевич Костров; кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра аграрных исследований РАНХиГС Игорь Анатольевич Кузнецов; кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии, истории и социологии Брянской государственной инженерно-технологической академии Вадим Витальевич Кулачков; доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры новейшей отечественной истории Московского педагогического государственного университета, старший научный сотрудник Государственного исторического музея Андрей Александрович Куреньшев; кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой Истории Отечества Ульяновского государственного университета Надежда Валерьевна Липатова; студент факультета журналистики ИГУМОиИТ Юрий Петрович Литвин; кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политической истории и мировой политики Казанского федерального университета Дмитрий Иванович Люкшин; кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии Московского университета МВД России, доцент Учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России» ИАИ РГГУ, редактор научного проекта «Народ и власть» Павел Петрович Марченя; доктор истори-

ческих наук, профессор, заведующий кафедрой документоведения информационной деятельности Национальной металлургической академии Украины Александр Владимирович Михайлюк; кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Мичуринского государственного аграрного университета Вадим Павлович Николашин; кандидат исторических наук, ведущий специалист Российского государственного архива новейшей истории Никита Юрьевич Пивоваров; доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории российской государственности и права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина РАНХиГС Антон Викторович Посадский; доцент кафедры общественных наук ИГУМОиИТ, координатор научного проекта «Народ и власть» Сергей Юрьевич Разин; доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных наук Саратовского государственного аграрного университета им. Н.И. Вавилова Валерий Яковлевич Романченко; кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Национального исследовательского Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского Анатолий Александрович Симонов; кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права и международных отношений Вятского государственного университета Алексей Владимирович Скутнев; доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «История России, краеведение и методика преподавания истории» Пензенского государственного университета Ольга Александровна Сухова; старший преподаватель кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Тамбовского филиала Академического правового института Николай Васильевич Токарев; доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социальной работы и социальной безопасности Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, председатель Архангельского отделения РОИА Татьяна Игоревна Трошина; доктор исторических наук, руководитель Центра проблем развития и модернизации Института мировой экономики и международных отношений РАН Владимир Георгиевич Хорос; доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии МосУ МВД России Андрей Владимирович Чертищев; академик РАЕН, лауреат Государственной премии РФ, доктор исторических наук, профессор, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, директор Института общественной мысли Валентин Валентинович Шелохаев.

Участникам была предложена следующая примерная проблематика круглого стола:

Крестьянский мир и «Империалистическая» война в контексте столкновения Традиции и Модерна;

Первая мировая война как фактор «раскрестьянивания» и «окрестьянивания» России;

Мировая война в пространстве русской народной социальной утопии;

Образы и символы русской истории в пространстве Первой мировой войны;

Крестьянская ментальность России в условиях войны, смуты и революции;

«Мужики» и «бабы» России на фронтах и в тылу Первой мировой.

Наряду с подготовкой индивидуального выступления по одному из конкретных сюжетов, участникам дискуссии было предложено кратко сформулировать свои варианты ответов на три центральных теоретических блока вопросов круглого стола:

1) Как повлияло сознание русского крестьянства на ход и исход Первой мировой войны? Как повлияла Первая мировая война на сознание и судьбу крестьянства в России?

2) Как в контексте традиционных ценностей и социальной утопии крестьянской России можно оценить политику царского режима, Временного правительства, основных политических партий и Советской власти в условиях Первой мировой войны? Насколько связаны с этой войной генезис и особенности политического режима в СССР?

3) Была ли для русского крестьянства Первая мировая – «Отечественной» войной? Есть ли разница в том, как крестьяне России воспринимали Первую и Вторую мировые войны?

Предлагаем Вашему вниманию материалы дискуссии, состоявшейся в ходе Международного круглого стола «Русское крестьянство и Первая мировая война».

* * *

С.Ю. Разин. Уважаемые коллеги, добрый день! Я рад приветствовать вас на Международном круглом столе «Русское крестьянство и Первая мировая война».

В начале хочу сказать несколько слов о нашем проекте «Народ и власть: История России и ее фальсификации». Здесь присутствуют многие из тех, кто постоянно принимает участие в наших мероприятиях. В этом году мы празднуем небольшой юбилей: проекту уже 5 лет.

С 2009 г. в рамках нашего проекта проведено уже немало международных круглых столов: это и стол «Народ и власть в российской

смуте», и стол «Крестьянство и власть в истории России XX века», это два стола «Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы» и два стола «Сталинизм и крестьянство». Постоянно действует теоретический семинар «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». Отдельные направления проекта составляют «Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы» и «Революции и смуты как системные кризисы русской истории».

Совсем недавно вышел четвертый сборник нашего проекта. Я его держу в руках – он называется «Сталинизм и крестьянство». В него вошли материалы крестьяноведческих мероприятий проекта: всех круглых столов и заседаний семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». Это в значительной мере итог работы проекта за 5 лет. Поэтому, если кто-то хочет познакомиться с тем, над чем мы работаем, – пожалуйста, можете обратиться к этому сборнику.

Что касается нашей сегодняшней темы – несколько слов о том, как возникла идея этого круглого стола. Во-первых, как вы все знаете, в этом году исполняется 100 лет с момента начала Первой мировой войны. А, во-вторых, занимаясь в рамках нашего проекта изучением системных кризисов, изучением роли крестьянства и крестьянского вопроса в отечественной и мировой истории и изучением феномена Империи, мы пришли к выводу о том, что без разговора о Первой мировой войне нам не обойтись. Мы попытались связать все эти сюжетные линии – «Крестьянство», «Империя», «Первая мировая война» – в теме одного круглого стола. На наш взгляд, эта тема является весьма актуальной как в историографическом, так и в геополитическом смысле.

Прошу всех следовать той проблематике, которая предложена. Я понимаю, что есть большой соблазн «украинизировать» наш разговор. Конечно, Украина и «украинский вопрос» – тоже продукт Первой мировой в значительной мере, но давайте все-таки сосредоточимся на заранее разосланных вопросах.

Еще хочу вот о чем сказать. У нас недавно на сайте журнала «Новый исторический вестник» появился одноименный с проектом научный форум. На нем мы, в том числе, размещаем материалы проекта. Приглашаем зарегистрироваться и принять участие в обмене мнениями, который там начался. Мы хотели бы, чтобы этот форум превратился в свободную живую дискуссионную площадку для историков, социологов, политологов...

Теперь несколько слов по проблематике, которая сегодня вынесена на обсуждение. В советской историографии, с подачи В.И. Ленина, Первая мировая война характеризовалась как империалистическая и несправедливая, а неразрывно с ней связанная «Великая

Октябрьская социалистическая революция» называлась началом новой эпохи. В перестроечное и постперестроечное время от былого всеобщего одобрения этих положений не осталось и следа. В позднесоветской и постсоветской историографии и политической публицистике возобладало негативное или, в лучшем случае, скептическое отношение к ленинским оценкам.

Если подойти к анализу этих событий строго научно и идеологически непредвзято, то окажется, что вождь большевиков был во многом прав. Многие известные мыслители считали, что Первая мировая – рубежное, эпохальное событие, знаменующее собой наступление нового этапа европейской и мировой истории. Так, по мнению О. Шпенглера, эта война являлась зримым проявлением кризиса западноевропейской культуры. Представление о том, что капитализм вступил в новую стадию развития также было характерно для многих европейских интеллектуалов начала XX в. К тому же необходимо учитывать, что термин «империализм» изначально был не только экономической, но и геополитической категорией, производной от концепта «империя». Характерной чертой империализма является экономическая экспансия – борьба за рынки сбыта, сырья, рабочей силы, капиталов. В свою очередь, важным признаком любой империи выступает культурная, идеологическая и политическая экспансия.

Именно так подходил к анализу данного феномена английский экономист и публицист Дж. Гобсон, книга которого «Империализм», вышедшая в 1902 г., оказала определенное влияние на формирование ленинской теории империализма. По мнению Гобсона, империализм – новое для мировой истории явление, главной чертой которого является соперничество империй, стремящихся к территориальной экспансии, продиктованной интересами финансового капитала.

Во многом схожей позиции придерживался уже упоминавшийся Шпенглер. По мысли классика, империализм и порожденная им территориальная экспансия – это важнейшие признаки кризиса культуры, ее вступления в стадию цивилизации, это начало конца культуры, стремление продлить жизнь тела, лишённого духа, путем его расширения. Империализм начала XX в. – это предвестник гибели Запада.

В этом контексте следует обратить внимание, что Первая мировая – это противоборство империй двух разных типов: индустриальных, колониальных, морских империй и традиционалистских, идеократических, континентальных империй. Первая мировая – это глобальное столкновение Модерна и Традиции, Мирового Города и Мировой Деревни, которое завершилось победой Модерна... и кризисом Модерна, поражением Традиции, ускоренными модернизациями в странах не-Запада с одновременной ретрадиционализацией.

Первая мировая – это событие, которое привело к крушению прогрессистских иллюзий, характерных для европейской интеллектуальной элиты Нового времени. Исторический XX в., который открыла эта война, не подтвердил тезисы А. Сен-Симона, О. Конта и Г. Спенсера о том, что человечество движется от военной эпохи к более прогрессивной индустриальной эпохе. Как раз наоборот: индустриализм породил колониализм, невиданный ранее разгул милитаризма и мировые войны...

А сейчас я хочу предоставить слово автору (соавтору) и редактору нашего проекта.

П.П. Марченя. Уважаемые коллеги! Я повторно от имени нашего проекта приветствую всех. И хотел бы очень коротко обозначить свою позицию по теме, которая вынесена на обсуждение.

Мы не устаем подчеркивать, что крестьянский вопрос – это вопрос, который имеет узловое значение для современного россиеведения в целом. И не только для россиеведения. А сегодня мы беремся за такую тему, которая является ключевой для понимания всего XX в. (и не только XX в.), для понимания всей истории России (и не только ее). И вот хотелось бы именно с точки зрения такого подхода вбросить несколько тезисов. Может быть, кто-то захочет поспорить.

Любая смута в России (во всяком случае, все три так называемые «великие русские смуты») начинается с кризиса идентичности народа и власти. Собственно говоря, преодоление этого кризиса идентичности и является содержанием всякой смуты – и этим обусловлены соответствующие циклы в истории российской государственности. В этом смысле главная роль объективно принадлежит как раз крестьянству.

Первая мировая война сделала не саму смуту (это не главная ее причина), но она сформировала из крестьянства (из традиционной социальной страты) ту неклассическую социальную общность, которая и определила на несколько лет, десятилетий, а может быть и больше, все дальнейшее течение нашей истории.

В этом смысле крестьянское сознание явилось матричным для сознания общественного, а точнее – для его активной ситуативной ипостаси – сознания массового, которое в Смутное время выступает не просто ареной борьбы различных политических сил, но и решающим критерием политической эффективности. Собственно говоря, именно массам и принадлежит последнее слово, когда речь идет о выборе между так называемыми историческими альтернативами.

Масса образуется из традиционных социальных страт как неклассическая социальная общность на основе формирования настолько сильных общих психических переживаний, по сравнению с которыми различия между традиционными слоями, классами, стратами становятся неважными. В этом смысле крестьянское сознание

формировало массовое сознание, а массы как раз и решили в 1917 г. сначала судьбу Российской империи, а потом и далее, по-разному определив судьбы Временного правительства и Советской власти.

В этом смысле я предлагаю (извините, что так поверхностно и бегло) взглянуть на нашу проблему очень широко – в контексте системного кризиса Российской империи, и даже Российской цивилизации в целом. И, в том числе, таким образом поставленная проблема имеет безусловную актуальность в современности – в той современности, в которой мы сегодня с вами живем. Речь здесь ни в коем случае не только об известных массовых процессах на Украине. Именно сейчас, возможно, делаются наконец-то некоторые шаги по преодолению кризиса идентичности, который остается доминантным фактором «Третьей Русской смуты».

Многое из того, что необходимо понять сегодня, корнями своими уходит в то, что было в период Первой мировой и далее. Я обещал выступить коротко, поэтому не буду подробнее развивать эту тему, и оставляю за собой право написать об этом уже по итогам нашего сегодняшнего «стола». Спасибо. Давайте поработаем.

А.Б. Асташов. Вы сказали, что из традиционного сознания проистекает массовое сознание. Может быть, традиционализму соответствует альтернатива «современность»? Что значит «массовое сознание»? Я просто не понимаю.

П.П. Марченя. К массовому сознанию в современной политической психологии подходов очень много. Но в рамках того определения, которым я сейчас оперирую, массовое сознание рассматривается как единственная реально жизнеспособная активно-ситуативная ипостась общественного сознания в Смутное время. То есть именно тогда, когда происходит нечто, имеющее огромное значение для выживания общества как целого, именно тогда, когда вступают в действие такие факторы как война, смута, революция и т.д., которые объединяют всех перед лицом общих критических вызовов – и уже не важны образовательные, возрастные, половые и прочие различия, – не говоря уже о мелочах – именно тогда абстрактное «общество» (которого на самом деле не существует – это всего лишь модель) превращается уже в конкретный и действительно могучий субъект истории – в массы.

А.Б. Асташов. Традиционное сознание – оно-то что? Как? Какие характеристики?

П.П. Марченя. Традиционное сознание имеет две ипостаси – в «нормальное» историческое время и в «смутное». Вот мы часто говорим о том, каким образом наш народ одновременно и «богоносец», и «зверь». Этому есть довольно-таки убедительные объяснения, которые как раз связаны с тем, о чем я, как и обещал, очень коротко упомянул. Говорить об этом подробнее сейчас просто нет

возможности: слишком много наших гостей ждут слова...

С.Ю. Разин. Уважаемые коллеги, давайте двигаться вперед. Слово предоставляется нашему патриарху А.В. Гордону.

А.В. Гордон. Уважаемые коллеги! Мне приятно сегодня выступать. Приятно, что столько людей из разных регионов собралось за нашим сегодняшним столом.

Мне приходилось бывать на разных крестьяноведческих мероприятиях. Никогда не забуду семинар «Современные концепции аграрного развития», который основали Т. Шанин и В.П. Данилов в начале 1990-х гг., летописцем которого был в течение всего времени его существования В.В. Бабашкин, здесь присутствующий.

Помнится еще такой замечательный симпозиум, который раз в два года проводился по разным городам России (а когда-то и шире), «Аграрная история Восточной Европы». Во главе долгое время стоял Л.В. Милов. Этот симпозиум сыграл заметную роль в формировании сообщества аграрников и в пробуждении интереса к истории крестьянства.

И вот третий этап. На наших глазах подхватили объединительную эстафету С.Ю. Разин и П.П. Марченя, основав крестьяноведческий проект, который привлек очень большое число специалистов и, в сущности, явился поворотным моментом в крестьяноведческих собраниях. По-моему, он вывел крестьяноведение, которое нередко замыкалось в довольно узких темах, на уровень глобальной, я бы сказал, или как Разин любит говорить, геополитической проблематики.

Что я хочу сказать по поводу нашей сегодняшней темы? Тема замечательная, и не только в силу ее конъюнктурно-юбилейного значения, и даже не только потому, что эта война дала толчок процессам, которые продолжались весь XX в. Как человек, который довольно давно занимается крестьянством, я хочу сказать, что есть две темы, две проблемы, к которым я, как историк, толком не знаю, как подойти. Дисциплинарно это очень сложно – для меня, во всяком случае. Одна проблема – это «крестьянство и голод», а другая проблема – «крестьянство и война». Понимаете, мы можем заниматься выяснением, сколько там десятин кому принадлежало, каким слоям, каким классам, сколько с каждой десятины собирали... Все это важно конечно. Но не проясняет ни типологию крестьянского голода, ни проблему воюющего крестьянства.

Я помню, что на семинаре «Современные концепции аграрного развития» мне пришлось дискутировать на тему голода и коллективизации. Были, между прочим, не какие-то дилетанты приснопамятные, а профессиональные ученые, по-моему, из Австралии и из Канады – Владимир Валентинович может быть и вспомнит этих людей...

В.В. Бабашкин. Стивен Уиткрофт из Австралии был и Роберт Дэвис из Великобритании.

А.В. Гордон. Да, да. Я про этот семинар и говорю. Что меня поразило? Разговор у них шел – они выступали с ключевым докладом – вот о чем: был недосев, были метеоусловия, порезали скот и еще чего-то. Ну да, все это было, но все это какие-то фрагменты темы голода. А вот что-то главное уходит. На мой взгляд, голод – это катастрофа. И все остальное можно объяснять только учитывая, что голод был антропогенной катастрофой.

И, наверное, то же самое и война для крестьянства. Крестьянство не воспринимает войну в категориях «овладеть проливами» или еще чего-то, говоря нашими терминами, геополитического. Для него это вселенское бедствие. Вот навалилось Лихо – и вот надо терпеть, страдать, мучиться... «И ужас народа при слове “набор” подобен был ужасу казни». А тут по первоначально всеобщая мобилизация.

Крестьянство, на мой взгляд, воспринимает это фаталистически, подобно стихийному бедствию. Но при том имеют место серьезные последствия. В частности, война как катастрофа произвела радикальные изменения в крестьянском сознании. Тот вопрос, который поднял Марченя, вопрос об идентичности, – не только национальной идентичности, но и в том числе крестьянской идентичности – это, действительно, порождение войны как катастрофы.

Если мы считаем, что крестьянство – это образ жизни (а есть такая теория Роберта Редфилда), то воюющее крестьянство рвет с этим самым образом жизни. Рвет глубоко и радикально. После этого возвратиться к обычному посеву, сбору урожая, жатве и т.д. – ко всем крестьянским делам – становится очень сложно. Человек отрывается от этого настолько существенно, что поддержание нормального органичного сельского хозяйства, такого, как вели из поколения в поколение, становится невозможно. И он обычно переходит на какую-то другую стадию, в какую-то другую жизненную сферу. В какую?

Вот опять же Марченя поставил вопрос о революции. Революцию творит субъект, который наделен революционным сознанием. А что такое революционное сознание – это прежде всего сознание катастрофическое. Я не принимаю национальный закон периодических или циклических смут, но вот значение катастрофического сознания мне понятно. С точки зрения крестьянства (да и, например, такого просвещенного интеллигента, как П.А. Кропоткин) революция, по своему стихийному характеру, – это тоже катастрофа. Гражданская война – о чем говорить, когда брат на брата, сосед против соседа, все воюют против всех – это какой-то апокалиптический ужас.

Значит, я бы так поставил вопрос: действительно война способствовала раскрестьяниванию. В этой толще, в массе, происходит

какой-то надрыв – и возвращение назад становится очень сложным. Параллельно, действительно происходит некое окрестьянивание. Потому что когда голод берет за горло уже городское население, то оно начинает вспоминать о своих корнях – и начинает массово перетекать в деревню, – потому что в деревне, все-таки, при том при сем, прокормиться во время этих самых катастроф оказывается легче.

Еще вот такой, может быть, частный вопрос, но все-таки я бы хотел его сейчас обозначить. Я имею в виду вопрос о том, как меняется крестьянское бунтарство тогда, когда крестьянин уже, извиняюсь, залит кровью, когда крестьянин испытал, что такое смерть повседневная, массовая, смерть, оставляющая от человека растерзанное тело. Я не помню – то ли это Т. Шанин заметил, то ли В.П. Данилов – как происходит радикализация крестьянских мятежей и восстаний после Русско-японской войны. Данилов считал, что крестьянская революция – это 1902–1922 гг. До 1905 г., допустим, крестьяне удовлетворялись поджогами, грабежами, но жертв человеческих было не так много. Положение меняется после 1905 г. И это можно понять. Действительно, человек переходит через какую-то черту.

Я говорю, что если недостаточны наши обычные категории народнохозяйственного и классового анализа, то нужно выходить на категории антропологического, цивилизационного или еще какого-то анализа. Тогда мы поймем, что происходит с людьми. Ведь, в конце концов, возьмем знаменитую библейскую заповедь... Кстати, не только в Библии, но и в других священных текстах есть это «не убий». Через нее переступить не так просто обычному человеку.

Действительно происходят какие-то страшные вещи, которые мы еще, наверно, в полной мере оценить не способны, поскольку не обладаем достаточным категориальным аппаратом. Но я желаю, чтобы были подходы с разных сторон, с классовых, с геополитических – с каких угодно позиций, но, главное, чтобы мы понимали, насколько это серьезная вещь – война для крестьянства.

А.Б. Асташов. Вы не могли бы по пунктам пояснить, что такое «раскрестьянивание». Был крестьянин, а стал что? Кем? Буквально по пунктам.

А.В. Гордон. Я в рамках своего краткого выступления ограничился только темой сознания. Действительно, в крестьянском сознании происходят какие-то потрясающие сдвиги, в результате которых крестьянину сложно вернуться к житейской обыденности. Потому что образ жизни крестьянской – это обыденность. Определенный, веками устоявшийся порядок, который освящен всякими учениями и крестьянской моралью и т.д. После того как крестьянин просидит месяцами, годами в окопах или будет штыком своего противника колоть, не говоря уже про то, когда он убивает своего брата, вернуться к этой обыденности просто так не получается. Крестьянское созна-

ние органично. Оно – не революционное сознание. Это сознание цикличное, сознание, которое связано с обращением к устоявшемуся порядку вещей, который исходит свыше и снизу, от земли и т.д. Если крестьянин становится революционером, то ему назад дороги нет.

А.Б. Асташов. Альтернатива – крестьянин-революционер.

А.В. Гордон. В данном случае весьма вероятно. Но можно ряд продолжать: солдат, милиционер или рабочий, например, мигрант и т.д. Может статься – грабитель, бандит. Сложно только возвратиться назад. Потому что крестьянский труд – особый труд. И нужно осознание, что это такая наша природа, мы должны работать на земле. Если разорван этот круг – ну, что происходит, то происходит...

Т.И. Трошина. Реплика А.В. Гордона была очень интересная.

Я приехала с Севера. У нас действительно была совершенно другая ситуация. Я хочу поделиться некоторыми впечатлениями.

За время этой войны, такой длинной – Первая мировая и Гражданская война – произошли два важных события: сначала резко разорвались внутренние социальные контакты, которые связывали крестьян в сельских общинах, а потом они вновь восстановились в очень жесткой структуре. Фактически, как принято говорить, произошла социальная архаизация.

Думаю, тому были причины как внешние, так и внутренние. Внешние причины состоят в том, что в связи с огромным значением, которое Север в Первую мировую приобрел для обороны страны, началось резкое увеличение железнодорожного строительства, приближение отдаленных районов друг к другу, большое количество приезжих рабочих и обмен культурными ценностями. В эти годы резко возросло и само население, и его благополучие. Кроме того, десятки тысяч мужчин, будучи солдатами, ездили по стране и могли видеть совершенно новые для себя формы жизни. Это не могло не повлиять на разрыв традиционных связей.

Но надо еще иметь в виду следующий момент. Сюда, на Север, после XVI в. фактически не приходили завоеватели, то есть население войн не знало. Для местного населения существовала льгота по рекрутской службе: можно было заплатить налог и сына в рекруты не отдавать. Поэтому у нас на войну пошли молодые люди, которые ни в культурной памяти не знали, что такое война, ни от отцов своих об этом не слышали. После введения всеобщей воинской повинности солдатская служба воспринималась населением как отхожие заработки. Ждали солдат нарядами, с подарками, с деньгами, а пришли в 1917 г., как известно, раздетые, разутые, завшивленные... с пустыми руками, и даже «без победы». Демобилизованные солдаты воспринимались как позор для семьи и вызывали насмешки односельчан.

При этом солдаты получили на войне немалый опыт... Во-

первых, на последнем этапе войны они вынуждены были заниматься самообеспечением – то есть, фактически, грабили население, прежде всего помещичьи усадьбы, где можно было что-то взять из продовольствия – и все это вполне законно, по распоряжению командиров или солдатских комитетов. А во-вторых, они получили от большевиков понимание легитимности такой формы получения необходимого имущества. Встречая негативное отношение со стороны земляков, фронтовики объединялись в компании и принимались наводить «справедливость» по своим понятиям. Таким образом они стремились обеспечить свои семьи, на протяжении всей войны направлявшие им письма с жалобами.

И здесь тоже очень интересный момент. Как известно, государство постаралось провести достаточно мощную подготовительную социальную работу. Солдаткам назначались неплохие пособия. Общественные организации собирали большие пожертвования, с помощью которых предполагалось компенсировать потерю «работника». Например, солдаткам давались деньги на наем работника. Мне трудно сказать, как это было в других регионах, – возможно, там было все по другому, – но на Севере лишь 10–15 % хозяйств направляли такие вспомоществования на наем батрака. Да и то обычно брали не сельскохозяйственного работника, а няньку для присмотра за детьми. Предоставляемые же в качестве «пайка» и общественной помощи деньги солдатки тратили на приобретение более нужных, по их мнению, вещей – например, на товары «впрок» или на приданое дочерям. На вопрос «Почему не тратите пособия на хозяйство?» – отвечали: «Хозяин придет с войны и пусть им занимается». Собственно, в северных губерниях и до войны значительную часть продовольствия приобретали, а не получали в своем хозяйстве. Особенно семьи отходников: у них было принято прикупать хлеб и сельскохозяйственным производством не заниматься. А я уже говорила, что «службу» воспринимали как своего рода «отход».

Какие еще были причины такого отношения солдаток к государственной помощи? Дело в том, что, несмотря на индустриализацию, модернизацию, урбанизацию, в северной деревне продолжала существовать традиция поддерживать семью, где муж отсутствовал, – был ли он в тюрьме, в армии или на отходе. На помощь рассчитывали и солдатки. Так поначалу и было. Однако в связи с большим количеством работ – а физический труд в годы войны ценился невероятно высоко – практически все мужчины, которые, по той или иной причине, не оказались на фронте, перебрались в города и там занялись заработками. У них попросту не было времени помогать односельчанкам.

Возникает классический конфликт, связанный с товарно-денежными отношениями. В деревне стало расти раздражение против сол-

даток, просящих и требующих помощи, а те презирали и ненавидели эту мужскую, так сказать, массу, которая по какой-то причине в армии не оказалась.

Да и сами солдатки подвергались определенной имущественной дифференциации. Причина и в том, что не совсем справедливо раздавались эти пособия, и в том, что некоторые предприимчивые солдатки, особенно в возрасте, на полученные пособия завели торговлю, стали содержать постоянные дворы. Вообще, среди крестьян, особенно северных, считалось, что если человек по своим физическим качествам не в состоянии выполнять тяжелую работу, то он имеет право заниматься чем-нибудь легким, например, торговлей или общественной работой за жалованье.

В результате в условиях усиливающейся дороговизны часть солдаток, которые деньги потратили неизвестно на что, стали беднее, а те, которые занимались коммерческой деятельностью, порядком разбогатели. Современниками отмечалось, что торговали они не хуже мужиков, но были еще более скупы на то, чтобы, например, пожертвовать на школу или на церковь. И это тоже вызывало раздражение у населения.

Следует отметить и еще один важный момент: разрушение такой сплоченной группы, как сверстники. Это происходило уже в армейской среде. Они оказались разделены уже во время набора: кого-то брали в армию, кого-то не брали. «Браковка» подвергалась унижениям и избиениям. Даже имевшие право на льготы, например по здоровью, старались в армию пойти. Но оказалось, что те, кто не пошел, не прогадали, потому что они имели очень хорошие заработки в оборонной промышленности. Уже в 1915 г. в отчетах полицейских чиновников отмечается, что эта ситуация создает опасное напряжение. Раскалывало группу сверстников и то, что одни, благодаря, например, более хорошему образованию, направлялись в военные училища и становились офицерами, а вторые оставались рядовыми.

Все это в комплексе вело к нарастанию напряжения и способствовало расколу некогда сплоченных групп крестьянского населения, что вылилось в своего рода «малую гражданскую войну», в конфликты, которые в 1917 г. происходили и внутри деревни, и между деревнями (на Севере деревни маленькие, и это у нас было обычным явлением).

А.В. Гордон. Очень хорошо, что вы эту тему разрыва традиционных связей затронули. Действительно, одно из проявлений этой катастрофы – то, что разваливалась вся эта солидарность.

А.В. Посадский. Да, и по нашим краям последняя позиция также просматривается. В Саратовской губернии очень рано начались конфликты между вернувшимися фронтовиками и, например, мастерами сапожного промысла, работавшими на армию и не мобили-

зованными, соответственно.

А.А. Куренышев. Вы (Т.И. Трошиной), значит, исходите из концепции абсолютного такого единства, ну, хотя бы, северного крестьянства? То есть никакого расслоения вот до этого момента, когда, значит, был нанесен такой удар в виде Первой мировой войны, там не было?

Т.И. Трошина. Начиналось, но культурные традиции были значительно сильнее, чем это внутреннее расслоение. Понимаете, у нас территория огромная, малонаселенная, бездорожная. Люди жили в небольших населенных пунктах, удаленных друг от друга. Это способствовало особой сплоченности населения... Знаете, если какой-нибудь торговец будет сильно досаждать своим односельчанам, то, если потом он вдруг утонет... – будет очень трудно доказать, что он не сам утонул. Солидарность была очень мощной, разрушить ее было чрезвычайно сложно.

Кстати, «военный коммунизм» показал, что разрушить эту солидарность очень трудно. А вот в результате Первой мировой были налицо все предпосылки для разрушения традиционного общества и модернизации.

Н.Ю. Пивоваров. Вы уделили внимание частной торговле, как она развивалась, какие направления она принимала. А вот кооперация на Севере России – как она развивалась?

Т.И. Трошина. В годы войны кооперация у нас не очень хорошо развивалась. Потому что очень не хотелось тратить деньги, хотя денег было вроде и много (такое невероятное скупердяйство стало проявляться), на содержание чиновников, наемных работников. Иногда, так сказать, в порядке общественной нагрузки и для того, чтобы заработать денег, занимались выполнением этих работ в потребкооперации священнослужители, которые затем за это пострадали, потому что кооперация – это все же дело зажиточной части деревни, а не бедной. Когда те же фронтовики пришли с фронта, то они были крайне недовольны. У них было ощущение, что священники, вместо того чтобы помогать «сырым и убогим», фактически поддерживали деятельность более зажиточной части общества.

Но в целом настроения были такие, что с купцом как-то легче договориться. Купец все дает в долг. И не нужно свои деньги кровные отрывать. Все-таки у нас не очень было принято считать деньги. Денежные отношения не вполне привились. Многие наблюдатели в начале XX в. отмечали, что северный крестьянин не понимает смысла денег. Он не может переводить свой труд в деньги. Впервые они поняли, что их труд стоит денег, в годы Первой мировой, когда огромное железнодорожное строительство привлекло сюда много непродовольственного населения и начались широкие закупки продовольствия.

Кстати, крестьяне в условиях резко возросших цен сначала весь корм продали, а потом и коров. Это и привело к тому, что у нас достаточно рано – уже где-то к осени 1915 г. – возник, голод не голод, но дороговизна. Пораньше, чем у всех остальных. В городе уже в 1915 г. карточная система была введена.

В.В. Бабашкин. Чрезвычайно интересно, но как-то пунктиром, вы отметили вот это изменение настроений... Я как раз хотел бы за эту деталь зацепиться. Вот такая пацифистская северная деревня, куда с XVII в. никто с огнем и мечом не доходил. Уходили на фронт с одним настроением, и деревня их ожидала как отходников. Вот это я уловил из доклада. Ожидали с подарками, ожидали нарядных, а пришли оборванные, озлобленные, распропагандированные большевиками. А хронологически когда это настроение проявилось? На фронте, по советской литературе мы знаем, осенью 1915 г. произошел надлом у воюющих крестьян. А в самой северной деревне когда это изменение произошло?

Т.И. Трошина. Я думаю, что это произошло где-то осенью 1916 г. В это время письма из деревни на фронт были особенно жалобные, грустные.

Возможно, интеллигенция плохо поработала с людьми... Но трудно осуждать правительство и общественность. Средства на оказание помощи солдатским семьям собирались немалые. Социальная политика проводилась очень неплохая. Тем более что в отличие от большинства других сельскохозяйственных районов, всего 40 % мужчин призывного возраста были взяты на фронт. Остальные пользовались льготами, поскольку у нас семьи, как правило, были небольшие.

В.Б. Безгин. В выступлении Т.И. Трошиной была поднята важная в исследовательском плане проблема – роль женского фактора в военной повседневности российского села. Позвольте и мне высказать соображения по этому вопросу.

По причине массовых мобилизаций в действующую армию главной фигурой будней военных лет стала русская баба. Именно ее роль во многом была определяющей в сельской повседневности военных лет.

Война нарушила традиционное распределение хозяйственных работ в крестьянской семье. На селе существенно выросла доля женского труда, в том числе и за счет тяжелых работ, как правило выполняемых мужиками. Последствием этого стал рост числа заболеваний крестьянок, связанных с детородными функциями. Вынужденная феминизация аграрного труда являлась неизбежной платой за сохранение крестьянского хозяйства.

Фактический переход в ряде крестьянских дворов роли глав хозяйств к женщинам вызвал закономерный рост их общественной активности. Привычным явлением в селе стало участие в сходе кре-

стьянок, которые по причине отсутствия мужей-солдат представляли на нем интересы своего двора. Более самостоятельным стало и поведение солдаток в семье. Казенные пособия, получаемые ими за мужей, находящихся на фронте, играли весомую роль в бюджете крестьянской семьи.

Значение женщин русской деревни в войну с особой силой проявилось в таком явлении как «бабьи бунты», как называли их современники. Эти стихийные выступления крестьянок, отличавшиеся радикализмом и бескомпромиссностью, наглядно продемонстрировали властям всю силу женского гнева. В них слились воедино и боязнь быть обманутыми в ходе землеустройства, и озлобление нерасторопностью местных властей в деле обеспечения семей призванных на войну, и усталость от тягот военного быта. Масштаб женского протеста стал одной из причин фактического отказа правительства от проведения землеустроительных работ в годы войны.

Эмансипация крестьянки, ускоренная войной, проявлялась и в росте ее правосознания, осознании своих прав. Увеличилось число «женских» обращений в волостной суд, в том числе и по вопросам защиты имущественных интересов. Усилились имущественные внутрисемейные конфликты, вызванные отсутствием «глав семей». Нередко родственники пользовались такой ситуацией, чтобы вытеснить солдатку из семьи, особенно если она была вдовой, лишить ее части имущества. В судебных разбирательствах крестьянки стали чаще выступать в качестве истцов в земельных спорах. Все это свидетельствовало об обретении селянкой чувства собственного достоинства.

Объективно война стала временем испытания супружеской верности. Женская часть села в лице солдаток и жен отходников в предыдущий период уже имела опыт сексуального воздержания. Теперь проблема наличия сексуального партнера стала практически всеобщей. Судя по письмам фронтовиков, этот вопрос беспокоил и тех, кто находился на передовой. Волновал он и оставшихся в тылу жен, считавших необходимым испрашивать у мужей разрешение на использование в полевых работах труда военнопленных. Реалии военной обыденности актуализировали границы сексуального поведения. Имеющиеся данные дают основание утверждать, что массовой «измены Родине» в деревне не произошло и действия сельских баб в этой сфере редко выходили за рамки крестьянской морали.

Хотелось бы сказать и о духовной составляющей повседневной жизни русской деревни в условиях Первой мировой. Испытания войной вызвали предсказуемую рефлексию сельского населения. Повсеместно приходские священники отмечали приток деревенских жителей в церкви. Увеличилось число заказных молебнов, выросли свечной сбор и объем добровольных пожертвований. Нетрудно предположить, что большинство молящихся в храмах составляли

крестьянки. Имея смутное представление о событиях на фронте, да и о войне в целом, они истово молились о «даровании победы русскому воинству», а самое главное о «спасении и сохранении» своих родных и близких, благополучном и скором возвращении их домой.

Женские суждения о войне формировались на основе как газетных сообщений, трансформированных в виде деревенских слухов, так и посредством рассказов фронтовиков-односельчан, вернувшихся по причине ранений. Роль в восприятии войны играли и ее наглядные проявления. Приметами военного времени были «сухой закон», продразверстка, реквизиции лошадей, продовольственные пособия и дороговизна товаров. Живыми «жертвами» трагизма войны на селе являлись беженцы из района военных действий и пленные солдаты армии противника.

Война серьезно и глубоко трансформировала повседневную жизнь сельского социума в России, способствовала перестройке сознания и настроений крестьянок. Военные будни русского села, имевшего преимущественно женское «лицо», характеризовались физическими перегрузками, моральными испытаниями, а порой и потерей родных и близких.

А.В. Чертищев. Первая мировая война открыла эпоху глобальных конфликтов и социальных революций, привела к вееру катаклизмов, которые радикальным и уникальным образом преобразовали человеческую цивилизацию, изменив ход исторических процессов. Достаточно напомнить, что результатом ее было прекращение существования четырех могущественных монархий, лишение власти около 40 монархов, ликвидация консервативно-авторитарной монархической модели в Европе.

Но в наибольшей степени военно-революционные катаклизмы затронули Россию, оказавшуюся в эпицентре этого мирового конфликта. Война самым решительным и непредсказуемым образом повлияла на сознание российского общества в целом, характер его развития, обусловила социальные сдвиги в революции, ускорила их динамику. В ходе войны в России поочередно сменились шесть государственно-политических режимов и три основных модели развития страны: «отстающая», консервативно-монархическая империя; «догоняющая», либерально-демократическая республика; «опережающая», модель псевдосоциалистических преобразований.

Российская империя, как Великая держава (этот статус был присвоен России на Венском конгрессе 1814–1815 гг. наряду с Англией, Пруссией, Австрией, Францией), оправдывала участие в Первой мировой, прикрываясь патриотическими идеями защиты национального суверенитета, территориальной целостности, верности союзническому долгу. Это вызвало спонтанный взрыв националистических эмоций и тяжким бременем отложилось в сознании подавляющего

большинства населения России – крестьянства, патриотизм которого носил примитивный локальный характер. Не будем забывать и о том, что в ходе войны мыслящей единицей и единицей действия в России, чем дальше, тем больше, становилось не личность, а масса, толпа.

Под влиянием неудач в войне произошел перенос комплекса отрицательных эмоций, связанных с образом внешнего врага (он далеко и чрезвычайно силен, победить его проблематично) на образ врага внутреннего (он рядом, хорошо знаком и мешает победить внешнего врага), что вызвало синдром недоверия к власти. Постоянная опасность и возможность гибели приводили к ожесточению и ненависти многомиллионные массы, вырабатывали агрессивные милитаризованные начала, склонность к насильственным действиям, девальвировали ценность жизни, изменили представления о важнейших нравственных нормах и запретах. Более того, многие считали, что нечеловеческая война освобождает от человеческих моральных устоев вообще, что насилие есть поведенческая норма.

Не умаляя других факторов, двигавших Россию к национальной катастрофе, следует заключить, что гремучая смесь воинствующего национализма и ксенофобии, получившая необычайно широкое распространение, оказала дестабилизирующее воздействие на общественно-политическую ситуацию в многонациональной крестьянской России. Объединение своеобразного российского общества на такой негативной основе оказалось чрезвычайно опасным для режима, ибо она не только создавала конструкцию для политизации и углубления различных социальных конфликтов в координатах «свой – чужой», но и регулировала их, поднимая до всеобщего уровня и бросая политический вызов власти. Не имея позитивных символов общенационального единения, российское общество оказалось неизлечимо больным...

В.В. Бабашкин. Я хотел бы привлечь внимание к тому факту, что в современной отечественной историографии есть замечательно глубокое исследование отношения к Первой мировой войне на разных ее этапах как крестьян-фронтовиков, так и их односельчан, оставшихся в тылу. Это монография О.С. Поршневой «Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны» – прекрасный пример того, какие результаты может дать обращение историка к социальной психологии.

Автор не просто констатирует качественное изменение отношения крестьян к войне и, соответственно, к царю приблизительно с середины 1915 г., она находит это **сообразным особенностям менталитета традиционного крестьянства**: «Власть в рамках такого сознания ощущается не как сфера человеческой деятельности, изначально несовершенная, а либо как область сакрального, истины и

справедливости, либо как царство тьмы. После того, как у носителя подобного сознания размывается представление о святости власти... оно заменяется на свою противоположность и порождает не легальные формы борьбы за изменение облика власти, а полное ее отрицание и стремление уничтожить как источник зла».

Слухи, дискредитировавшие монархию, на завершающем этапе войны нарастали лавинообразно, основанные на них суждения были жестки и по-крестьянски категоричны. В такой напряженной атмосфере эти умонастроения кристаллизовались в частушки. «В 1917 г., – пишет Поршнева, – в фольклоре появилась знаковая частушка: “Как на царском на троне замест сокола ворона, мы ворону невзлюбили, совсем царя отменили”»).

А мне в этой связи вспоминается самая популярная тогда частушка, которая присутствующим, конечно, знакома, и хождение которой в разных вариациях зафиксировано и в годы Гражданской войны. Я решил было в Интернете уточнить, в каких литературных источниках приводится эта частушка и ее вариации, и, кроме прочего, обнаружил, что она ходит и сегодня – у составителей материалов ЕГЭ по обществознанию. Цитирую:

«Иногда свобода понимается как вседозволенность. В начале XX в. в русских деревнях пели такую частушку:

Бога нет, царя не надо.
Губернатора уьем,
Платить подати не будем,
Во солдаты не пойдем.

К каким последствиям может привести такое толкование свободы? Конкретизируйте свой ответ примерами».

Если бы мне предложили конкретизировать примерами мое сугубо отрицательное отношение к ЕГЭ по истории и обществознанию, этот вопрос был бы среди лучших примеров.

О.А. Сухова. Я представляю Среднее Поволжье. В историческом ракурсе – это, собственно говоря, регион, где были наиболее прочными традиции общинного миропорядка. Именно Среднее Поволжье выступает лидером крестьянского движения в революции 1905–1907 гг., и в революции 1917 г. эта реакция общинного сознания тоже проявилась.

Я хотела буквально по вопросам пройтись, чтобы уложиться по времени, и немного среагировать на те тезисы, которые прозвучали ранее. И тоже, наверное, хотела бы оттолкнуться от слов Т.И. Трошиной о том, что война воспринималась как отход. Общая основа здесь заключается в том, что в любом случае крестьянин вырывается, уходит, выпадает из своей привычной среды обитания.

Но в таком случае, действительно, очень важно понять: почему эта волна раскрестьянивания вернулась в свое прежнее русло, когда

закончился весь этот период, и уже после революции 1917 г. вновь начинает возрождаться Традиция?

Конечно, война являет собой такой пример столкновения Традиции и Модерна и возможной реакции традиционного общества на индустриальную войну, на войну нового образца, нового качества.

Если говорить о столкновении Традиции и Модерна и о какой-то периодизации этого процесса, и о результатах этого процесса, то я бы хотела остановиться на достаточно известном всем источнике – это данные военно-цензурных пунктов. Благодаря деятельности военных цензоров мы имеем возможность изучить массовые настроения как городского, так и крестьянского населения, потому как адресаты были указаны, и можно было проследить, чьи письма, и по содержанию отследить это, и, конечно же, можно сравнить по периодам войны, какие были настроения, на каком именно отрезке времени.

К этому можно добавить донесения губернских жандармских управлений, которые тоже фиксировали настроения как в тылу, так и на фронте, во всяком случае, настроения тех, кто приходил с войны.

В связи этим хотелось бы подчеркнуть, что для крестьянства война была невиданным доселе испытанием. Хотя традиционное восприятие войны существовало. Существовало оно в контексте принесения жертвы. Лозунг «За Веру, Царя и Отечество!» не был пустым звуком – он был своего рода ритуалом, реакцией традиционного общества на военный конфликт.

Патриотические настроения были сильны не только в городах, но и в деревне. Тем более что крестьяне составили основу российской армии. По сути дела, это традиционное общество оказалось на фронтах Первой мировой. Более 11 млн человек представляли российское крестьянство. Поэтому, конечно же, столкновение или, вернее, погружение в новую по технологическому уровню войну для крестьян было испытанием очень жестким и жестоким.

Это отражается в переписке, в солдатской корреспонденции, потому что очень четко фиксируются образы непривычные, неприятные, связанные именно с осознанием катастрофы или даже апокалипсиса. Рисуются эти образы в красках, в описании машин, каких-то огненных скорпионов, которые летают, опутали землю... Идут аналогии с колючей проволокой, с газами, с аэропланами... Это не просто отношение к смерти на войне, к гибели, к сражениям. Конечно, смерть – особая тема, но вот это ощущение технологичного, техногенного характера войны как угрозы жизни, витальности традиционного общества – это присутствует. Поэтому война как вызов традиционной ментальности – да, безусловно, с этим тезисом можно согласиться.

Также я хотела бы дать реплику по поводу периода, когда начинается изменение оценки традиционного представления о войне, о существовании социальных взаимосвязей между государством и обществом, о доверии к власти и т.д. Здесь сложно сказать однозначно, если мы будем использовать солдатскую корреспонденцию, потому что не присутствует в ней четкого такого водораздела: вот до этого времени все были ура-патриотами, а после перешли в разряд пацифистов. Нет. Это не только мое мнение, но и в исследованиях А.Б. Асташова очень четко представлено, что крестьяне относились к войне, к ратному подвигу так же как к своему труду, к хозяйству. То есть сезонный цикл. Весна – надежды на мир, надежды на успешное завершение войны. Это нормально. Патриотические настроения. Осень – ситуация меняется.

Эта сезонность «весна – осень» присутствует и в солдатской переписке. Даже весной 1917 г. есть подтверждения того, что крестьяне достаточно патриотично настроены, нет единства по поводу лозунгов «Долой войну!» и т.д.

Также хотелось бы остановиться на таком сюжете как влияние или образ солдаток. В целом, конечно, не только для фронта, но и для тыловых районов, для средневожской деревни, образ солдата и образ солдатки становится определяющим во многих отношениях. Мы видим, как меняются гендерные роли в тыловых районах, когда женщина превращается в главу семью, представляет домохозяйство на сельском сходе, решает очень многие проблемы общины. Происходит и резкое омоложение сельских сходов.

Так же, как ни странно, несмотря на, казалось бы, обогащение солдаток в связи с получением пособий, льгот и т.д., именно солдатки были зачинщиками погромных движений на фоне недостатка хлеба, сахара и т.д. Очень массовым было это движение. Это было как раз в 1916 г.

Я не могу сравнивать с другими регионами, но вот по Среднему Поволжью мне не попадались материалы о расслоении солдаток, о том, что был какой-то контраст отношений между ними, в их среде. Это, наверное, региональные особенности какие-то. Хотелось бы отметить, что солдатки выступали единым фронтом за сохранение общинных традиций. От них зависело сохранение хозяйства в будущем, и они представляли собой гарант сохранения села и образа жизни общины.

Именно поэтому, как раз таки к 1916 г., практически прекратились выделы из общины и очень жестко разрастается конфликт между солдатками и выделенцами. Вот это еще одна линия раскола села в нашем регионе в ту эпоху.

А.А. Куреньшев. Мне показалось, что вы, несколько по-женски, недооценили армию как таковую, как структуру, которая, в общем-

то, и из крестьянина сделает солдата, и никакие там эти вот его предрассудки с весной, осенью и прочим не выживут. Понимаете... Вот как вы думаете? Может быть, вы чуть-чуть женское впечатление о службе в армии привнесли? Не следует ли как-то от этого отходить, потому что немного искаженная картина получилась, что крестьянин в армии остается крестьянином? Ну, кто в армии служил, тот знает прекрасно, что за пару месяцев из тебя сделают совершенно, так сказать, другого человека.

О.А. Сухова. Как раз к теме о том, что традиция потом возвратилась на круги своя и общинное сознание восторжествовало, я смею утверждать, что истребить крестьянскую ментальность за два месяца, и даже за три-четыре года войны все равно сложно. Все равно крестьяне оставались верны императивам патриархального сознания. Я не хочу сказать, что не было процесса раскрестьянивания. Наверно, речь идет о маргинализации, о том, что именно разрушались какие-то нормы, представления о норме и аномалии, что не было сдержек и противовесов, которые существовали в прошлые годы. Да, это процесс шел, безусловно. Крестьяне превращались в маргиналов, да еще и в таких, которые держали в руках оружие. Возвращаясь, они превращались в очень грозный фактор, потому что готовы были к любым радикальным действиям.

Но я бы хотела обратить внимание еще на одну особенность. По поводу сезонности или несезонности, готовности к радикальным выступлениям крестьян, которые два месяца прослужили в армии. Очень многое зависело от государства. Дело в том, что крестьяне, несмотря на то, что это такое вот реликтовое сословие, как писал В.П. Булдаков, тем не менее, готовы и способны к самоорганизации. Тот же пример бунтов во время мобилизационных кампаний.

И опять же в 1917 г., когда пала монархия, то первой социальной группой, кто предпринял попытку законотворческой инициативы (хотя бы в формате губернских съездов) – были как раз крестьяне.

Естественно, что решения крестьян в 1917 г. принимались в условиях дискредитации самой идеи государственности, причем конкретно монарха, в условиях, когда был еще такой контекст, как измена. В этом отношении следует учесть, что крестьяне как исторический субъект готовы были и к альтернативному развитию событий. Это была такая масса, которая не обязательно должна была стать революционером, и погромщиком, и зверем-бунтарем. Все зависело еще и от того, как выстраивались механизмы социально-политического взаимодействия. Неслучайно Б.И. Колоницкий в одной из своих работ приводит воспоминания немецкого солдата, который написал в марте 1917 г. в письме своим родным о том, что на фронте мало что изменилось, лишь в окопах находят изображения императора Николая с выколотыми глазами. В координатах крестьянского

сознания это можно трактовать как наказание за измену, за то, что не получилось единения власти и общества.

Ю.П. Литвин. А можете сказать, сколько времени занимает обратный процесс: от радикализации крестьянина до возвращения к традиционным ценностям?

О.А. Сухова. Здесь, наверное, можно вести разговор о периоде с 1914 по 1917 г. Традиционные политические представления крестьян базировались на идее двухуровневой организации государства: первый уровень, представленный монархом и наместником Бога, и второй, горизонтальный уровень – это множество крестьянских общин. В условиях кризиса и затем краха монархической власти, властно-политическое регулирование перемещается на уровень общины: правопреемником царя становится сход.

Как показывают материалы анкетирования, проведенного Министерством земледелия летом 1917 г., представление о том, что община является правопреемницей государства, появилось сразу же после распространения информации об отречении Николая II.

В.Я. Романченко. О.А. Сухова затронула важную проблему взаимоотношения крестьянства и власти в Первую мировую войну. В частности, было отмечено, что крестьянство не обязательно должно было стать революционным, что здесь многое зависело от политики государства, от того, как выстраивались механизмы его взаимодействия с крестьянством. Думаю, что это слишком категорическое утверждение. С одной стороны, от способности государства выстраивать такие механизмы действительно многое зависело. И в том, что революционные настроения крестьянства в целом нарастали, немалая «заслуга» и царской власти (которая на относительно бескровные выступления крестьян в начале XX в. ответила массовыми карательными акциями, а затем сделала их заложниками своих амбициозных внешнеполитических планов – в качестве пушечного мяса с началом мировой войны), и Временного правительства (которое продолжило репрессивную политику в отношении крестьянства и ненавистную уже в народе войну после падения царского режима), и политических партий. Но, на мой взгляд, в тех конкретно исторических условиях переход российским крестьянством этой незримой черты – от традиционного образа жизни к революционному – произошел, по меньшей мере, за десятилетие до начала войны и был обусловлен комплексом экономических, социальных, политических... и ментальных, духовных предпосылок. Их вызревание, в свою очередь, уходит своими корнями в более ранний период аграрной истории России. Что касается перехода в критическую фазу взаимоотношений крестьянства и власти в период войны, то следует иметь в виду, что это тоже лишь очередная фаза, этап антагонистических в своей основе отношений, уходящих в глубь российской истории,

отражавших не вдруг возникший цивилизационный раскол между «мужицким» миром и чуждым ему миром «барским». Зловещая роль Первой мировой состояла в том, что она перевела эти отношения из состояния «холодной войны» в стадию открытого, вооруженного противостояния, цивилизационного кризиса, приведшего к крушению Российской империи. Парадоксально, но выход из этого цивилизационного кризиса, равно как и выход России из войны, не сопровождался «снятием» антагонистического характера взаимоотношений крестьянства с новой, Советской, властью.

В данной связи можно предположить, что большевистский политический режим, рожденный в условиях мировой кровавой войны, с неизбежностью должен был стать режимом диктаторским и тоталитарным. Тем самым уже на стадии формирования в его фундамент был заложен механизм очередного системного кризиса и самоуничтожения Советской цивилизации.

В порядке обсуждения хотелось бы также обратить внимание на то, что и в нынешней дискуссии, и в историографии основной акцент делается на вопросах, характеризующих влияние Первой мировой войны на крестьянство. Однако очевидно, что существовало и обратное: влияние крестьянства на ход и исход войны с точки зрения участия в ней России. Представляется продуктивным рассмотрение данного аспекта через призму анализа эволюции в ходе войны социально-экономических отношений российской деревни с царской, а затем и Красной армией, влияния ситуации в деревне на решение продовольственной проблемы в стране. Предметом специального исследования могли бы быть эволюция сознания крестьян в солдатских шинелях и крестьян, «ковавших победу» на nive сельскохозяйственного производства, влияние революционных настроений крестьян и революционного движения в деревне в целом на воюющую российскую армию, на власть, на программные и тактические установки политических партий.

А.А. Симонов. Предлагаю продолжить тему крестьянства в армии и милитаризации крестьянского сознания в годы Первой мировой войны и далее. Кстати, я согласен с О.А. Суховой в том, что крестьянин на фронте во многом оставался крестьянином. Не все конечно. Какие-то сельские жители смогли стать настоящими солдатами и потом показали себя в годы Гражданской войны. А вот начали воевать в мировую войну крестьяне с несколько иным сознанием – явно не военным. Именно война подвигла их на то, чтобы в итоге, но далеко не сразу, стать солдатами. Это хорошо видно уже на примере Второй мировой войны. По своему составу русская армия и советская армия были в основном крестьянские, но это совершенно две разные армии. Во Второй мировой крестьянин действительно был солдатом, но его, в большей степени, сделали воином 20 лет

индустриализации и коллективизации.

Предлагаю поговорить о другом районе. Уже упомянули Север, Среднее Поволжье. Давайте посмотрим за Волгу и поговорим о крестьянах Саратовского и Самарского Заволжья, которые в годы Гражданской войны явили феномен В.И. Чапаева и чапаевцев. Во-первых, заволжские крестьяне – они несколько иные. Мы знаем, что есть сознание общее для всех русских крестьян. Но в разных регионах оно имеет свои оттенки. Так вот заволжские крестьяне – это потомки колонизаторов, которые осваивали Дикую Степь, это потомки раскольников русских, потомки голытьбы, «гулящих людей», разинцев, запорожских казаков. Это такая смесь крестьянства, которое готово было за себя постоять и имело богатый военный опыт. Не зря у заволжских крестьян в культурных традициях воспевают Степана Разина. Потом этот дух разинщины и пугачевщины был перенесен на Гражданскую войну. Неслучайно в Чапаевской дивизии первые два полка именовались Разинский и Пугачевский.

Крестьяне Заволжья – это не лапотники, однозначно. Это огромное Гуляй-поле, и они уже готовы были воевать в Первую мировую. Мы знаем, что Гражданская война не обошлась без крестьянских восстаний. Самое главное такое мощное восстание в Заволжье – это восстание А.В. Сапожкова. Был еще В.А. Серов и другие. Кстати, все они – участники мировой войны, и достигли определенных успехов на той войне. Возьмем Чапаева. У него три георгиевских креста, две георгиевских медали. Сапожков – офицер военного времени, тоже георгиевский кавалер. Серов имел четыре георгиевских креста. Ну и т.д. Командиры у Чапаева – исключительно все унтер-офицеры из местных, и все на Великой войне отличились. Смею утверждать, что милитаризация сознания у крестьян-заволжцев была гораздо выше чем, например, у крестьян Центральной России.

А теперь насчет того, что крестьянин на войне оставался крестьянином. Дело в том, что система комплектования русской армии предусматривала жребий: только один из трех шел в армию. Одно-го призывали, а двое оставались. Так нужно было. Больше не надо. Очень дорого стоило содержание армии. Те крестьяне, которые прошли военную службу, составили ближайший резерв для действующей армии в 1914 г. Ну, были, вы знаете, дивизии первоочередные и второочередные.

Чапаев служил во второочередной 82-й дивизии. То есть призывался из запаса. Были еще дивизии третьоочередные – ополченские.

Ополченцы – на них рукой махали – это как раз те крестьяне, которые не знали военной службы. Их забирали в армию и долго пытались обучить военной науке. Такой призывник несколько месяцев проходил начальную военную подготовку, затем с маршевой ротой отправлялся на фронт, и там еще долго продолжал постигать воен-

ное ремесло. Боеготовность русской армии катастрофически падала с каждым годом войны. В 1917 г. это была совсем не та армия, которая начинала войну в 1914 г., когда были победы. Уже в 1915 г. от кадровой армии ничего почти не осталось, и воевали в большинстве те, кто не проходил военной службы в мирное время.

Как же фронтовики из заволжской деревни воспринимали эту деревню, когда приходили с фронта? Мне попались воспоминания одного такого фронтовика. Вот он вернулся в волостное село Марьевка Самарской губернии (кстати, потом, в годы Гражданской войны, это был центр формирования белой Народной армии). Его первые впечатления: село какое-то полинялое – дома покосились, плетни упали, их стали растаскивать на дрова, верблюдов ни одного не осталось, лошадей 70 % нет, волов всех съели, весь инвентарь какой-то старый и девушки за это время замуж не выходили. Вот такое у него было впечатление от своей деревни.

А.В. Гордон говорил о том, что не важно, у кого сколько десятин, а вот для крестьян Заволжья это было очень важно, потому что была резкая градация. Был крестьянин-индивидуалист, крестьянин-отрубщик, а их, кстати, было очень много. Например, в Самарской губернии в Новоузенском уезде отрубщики и хуторяне составляли 86,4 %, а в Николаевском – 52,5 %. А если эти два уезда соединить, то территория будет больше, чем Бельгия. Огромные земельные массивы. Общинники-крестьяне были противниками того, чтобы вообще были отрубщики. Заводилами были фронтовики. Причем много активных фронтовиков были не традиционными общинниками, а так называемыми пришлыми людьми из других мест Заволжья и Поволжья, которые работали батраками. Вот именно они начинают социальную революцию, начинают вместе с общинной беднотой уравнивать землю «по справедливости».

Заканчивая свое выступление, хочу сказать, что крестьянская русская армия в Первой мировой конечно, не была готова к этой войне. Система подготовки просто не была рассчитана на такую длительную войну и на такое крестьянское мировоззрение. Кстати, я согласен с О.А. Суховой, что для крестьянина танк, аэроплан – это, действительно, потрясение было, страшное потрясение. Ну, а во Вторую мировую он уже танк сам водил и сам летал на самолетах.

А.Б. Асташов. Я вот не понял... Первый раз слышу относительно того, что они пришлые. Они против общины. А за что они тогда были?

А.А. Куренышев. За общину. Против интервенции.

А.А. Симонов. Они начинали. Потом уже... Как Чапаев формировал свои части? Очень просто. Первые чапаевцы – это весна 1918 г. Это первый поход на Уральск... Я просто смотрел красногвардейские дела, очень много, сотни дел посмотрел. Это возраст людей от

18 до 25 лет. Есть и 14-летние. Это беднота. Все из батраков почти. То есть те, кому терять нечего. Люди, еще даже семью не имеющие. Вообще терять нечего. Они могут только приобрести. Поэтому они готовы были воевать. Они на войне воевали, а сейчас готовы были забрать то, что считали принадлежащим им по праву.

А.Б. Асташов. У вас это прозвучало, что они были люди пришлые.

А.А. Симонов. В том числе и пришлые люди. Пришлые были заводилами.

А.В. Посадский. Крестьянин живет в локальном мире, даже перемещаясь, выходя в город (родня, земляки...). Мне кажется, вот эти самые пришлые обладали, в 1917-м особенно, своего рода амбивалентностью: как голоса «большого» мира, но и как потенциальная угроза. У нас известны сюжеты, когда в 1917 г. деревня с удовольствием третирует «своих» интеллигентов – как более не нужных и никчемных нахлебников – и в то же время взхлеб слушает точно таких же учителей, которые явились из соседнего уезда или губернии. А с развитием Гражданской войны толпы мешочников, беженцев, всяких «эшелонщиков» и прочих питали регионально-сепаратистские настроения, взращивая молодые национализмы. Отдельная большая тема.

А.А. Куренышев. Вот уточните, пожалуйста (А.А. Симонову): прозвучало, что сапожковское восстание – это крестьянское восстание. Мы знаем, что это дивизия вообще-то, и он был командир, и восстание это тем было страшно и опасно, что это восстание армейское.

А.А. Симонов. Смотря какая дивизия. Дивизия была формирующаяся. Она формировалась из местных крестьян.

А.А. Куренышев. Согласен.

А.А. Симонов. А почему ему не быть еще и крестьянским восстанием, раз они за интересы выступали...

А.А. Куренышев. Крестьянское восстание и восстание армейское – это не одно и то же.

А.А. Симонов. Сапожков, кстати, был из небедных людей.

А.А. Куренышев. Это все понятно.

Н.А. Дунаева. Я занимаюсь крестьянством Поволжья и Заволжья периода Первой мировой войны.

Известие о войне крестьянство восприняло как трагедию. Если в городах обыватели ходили на ура-патриотические демонстрации и проникались нездоровым восторгом, то в деревне ничего такого не было. Деревня насторожилась, напряглась и ожидала худшего. И если до войны в аграрной среде более или менее активно протекал процесс модернизации (в виде столыпинской реформы), то с началом войны крестьянство спешит вернуться к истокам, к тому, что

столетиями помогало выживать: к традиционному укладу, к общине.

Во-первых, как сегодня уже здесь упоминалось, с началом войны практически полностью прекратился выход из общины. Солдатки просто выгоняли (а иногда даже избивали) землемеров, прибывавших в деревню для раздела земли.

Во-вторых, повышается общая религиозность на селе. Летом 1914 г. священники отмечают, что храмы полны, народ чрезвычайно активно жертвует на церковные нужды, даже те, кто годами прежде в церкви не показывался, не пропускают ни одной службы. И эта психологическая реакция на непосредственную угрозу жизни понятна и не нуждается в расшифровке (в годы Великой Отечественной происходило нечто подобное: даже старые коммунисты носили ладанки; да и советское правительство, учитывая такие настроения населения, вынуждено было примириться с РПЦ).

В-третьих, широко обсуждавшиеся в литературе беспорядки во время мобилизации летом 1914 г. тоже укладываются в рамки традиционного поведения. Проводы в армию, а тем более на войну, с обильным возлиянием и дракой – это давняя традиция, существующая и по сей день. Попытки правительства избежать беспорядков путем введения «сухого закона» привели как раз к противоположному результату, сопровождавшемуся погромами винных лавок и погребов.

Массовые выступления периода мобилизации были вызваны еще и тем обстоятельством, что призывники, прежде чем уйти на войну (с которой, очевидно, не все из них смогут вернуться), стремились «напоследок» разрешить назревшие конфликты. Т.И. Трошина сегодня уже отмечала, что на севере призванные в армию крестьяне устраивали драки с теми, кто призыва избежал. В Поволжье подобные «выяснения отношений» приняла три направления: первое – это в традиции – поджоги и грабежи помещичьих усадеб (при этом грабители мотивировали свое поведение тем, что они-де уходят на войну, на смерть – и имеют право получить компенсацию от помещиков, которые остаются в тылу); второе – это уже нечто новое – призывники-общинники шли бить ненавистных единоличников (не только били, но портили имущество, колотили стекла в домах и т.д.); третье – это тоже новшество – бунт молодежи против засилья и диктата стариков в общине (впрочем, разрешался этот новый конфликт вполне старыми методами – тем же самым мордобоем).

В целом, хочу отметить, Первая мировая оказала очень противоречивое влияние на российскую деревню: с одной стороны, она запустила новые (или активировала уже существующие) процессы Модерна в деревне, а с другой стороны, она заставляла людей искать защиты в рамках Традиции.

Е.И. Демидова. Мне хотелось бы продолжить картину, которая

стала вырисовываться здесь в отношении той ситуации, какая сложилась в поволжской деревне в годы войны.

Поволжская деревня существовала в достаточно сложных природно-климатических условиях. У нас год урожайный сменялся годом засушливым. Это зона рискованного земледелия. Но все-таки деревня поволжская давала устойчивый хлеб. И вот что мы наблюдаем уже в 1915 г.: сокращение посевных площадей, потому что не хватает рабочих рук. И следующий момент: начинает ужиматься хлебный рынок. Возникает проблема голода, очень серьезная проблема в Поволжье именно в военные годы. Даже из саратовских многих деревень крестьяне, кто не оказался на фронте, вынуждены были уезжать на заработки в другие деревни, куда-то на юг, где они считали, что смогут лучше прокормить себя и близких, а семья оставалась в саратовской деревне.

Следующая проблема, на которую мне бы хотелось обратить внимание, касается Саратовской губернии: в ней были территории локального проживания немецкого населения, немцев Поволжья. Немецкие деревни... Что мы наблюдаем? Усиливаются антинемецкие настроения. Многие немцы вынуждены были уезжать. Сжигаются дома, травля начинается и в деревне, и в городе.

Вот такое некое благополучие рушится. Рушится крестьянский мир. Рушится крестьянская семья.

В годы войны появляется огромное количество детей-сирот, потому что отец погиб на фронте, мать запыла или покончила жизнь самоубийством – это тоже растет в деревне. Растет количество приютов, детских домов. Проблема беспризорности ненужных детей – тоже военная. Мы прекрасно знаем, что крестьяне, крестьянская семья – это, казалось бы, нерушимая такая вещь. Но в годы войны наступает семейный кризис.

Лично я придерживаюсь точки зрения, согласно которой в годы Первой мировой, в том числе среди крестьян Саратовской губернии, усиливаются революционные настроения. У нас они еще усилились в силу того, что в Саратовскую губернию много было эвакуировано из западных губерний. В частности, был эвакуирован Киевский университет. Все историки, занимающиеся историей высшей школы, отмечали, что до этого у нас было более или менее тихо и спокойно, достаточно был консервативный, провинциальный город. Но после эвакуации Киевского университета усиливаются революционные настроения.

Во многом показательны воспоминания крестьян-участников войны: дневники, личные воспоминания. Я вот приведу воспоминания совсем личные – это воспоминания моего дедушки, который со слов своего отца говорил, что в годы войны не стало крестьянской России. Это мнение современника, простого человека, крестьянина

русского: не стало крестьянской России.

А.Б. Астахов. У меня проходили материалы о переселении университетов, в том числе и Киевского, но о том, что там они делали революцию – не было.

Е.И. Демидова. Никто об этом не говорит. Но при этом усиливается студенческая активность, революционные настроения. В частности, растет популярность представителей РСДРП. Идет революционизация настроений. До этого достаточно консервативные были взгляды.

А.А. Куренышев. У меня такой конкретный вопрос. Вы сказали, что немецкие погромы были... Какие-то примеры?

Е.И. Демидова. Естественно, были. Поджигали дома... Такое вот сложилось общественное мнение, что немцы – они не наши. Многие немецкие предприниматели просто убежали. Покинули дома, и богатство свое бросили на произвол судьбы. И это еще до 1917 г.

Н.В. Токарев. Раз мы уж начали о географии, то теперь пойдем западнее, в Центральное Черноземье. Это места, где через какое-то время начнется «антоновщина».

Я прежде всего буду говорить об очень узкой проблематике – об идеологеме «черного передела», о том, как она нашла свое отражение в крестьянских настроениях. Главным источником для рассуждений относительно этой проблематики являются отчеты общей и политической полиции. Тем более они распределены по месяцам, и в Тамбовском государственном архиве очень даже хорошо сохранились. Другое дело, что потенциал этого источника тоже иногда оставляет желать лучшего. Много зависит от конкретного исправника, от того насколько он был активным, насколько обширной полицейской агентурой он владел, насколько информативные источники ему поставляли становые приставы, урядники и т.д.

Тем не менее, вырисовывается такая картина: еще только началась мобилизация в Тамбовской губернии, как уже проявляют себя агрессивные настроения. Крестьяне и словом и делом готовы отобрать землю у тех крестьян, которые переселились в Тамбовскую губернию, купив землю у Крестьянского поземельного банка.

Хотя этот отъем не состоялся, но эти настроения и не думали затухать. Можно говорить о том, что с сентября по декабрь 1914 г. – это постоянное ожидание милости от императора. За наши подвиги в войне, за нашу кровь Батюшка-царь, так и быть, нас когда-нибудь оделит землей. Можно здесь увидеть прямую преемственность от юбилейных слухов 1911–1913 гг., когда крестьяне ждали получение земли то в честь 100-летия Отечественной войны 1812 г., то в честь 300-летия дома Романовых. Ну а некоторые ожидали, что через 50 лет после отмены крепостного права, наконец-то все-таки, Романовы решат бесплатно наделить крестьян землей.

Так вот, в 1915 г. эти настроения ожидания милости сменяются более радикальными. В полицейских донесениях появляется такая информация – явно из окопов, от солдат – которая, отражаясь в сознании солдаток, потом выходит уже на уровень полицейских донесений. Очень просто: земля вся будет отобрана и остается только понять, каким путем. Потом, в конце 1915 – 1916 гг., мы видим уже и способы такого отъема собственности: солдаты сами отбирают эту землю. Уже надежды на царя нет. В то же время сохраняются и периодически проявляются настроения, когда снова ждем милости от царя.

Здесь надо затронуть еще один сюжет: дело в том, что во многом крестьянскому сознанию потакало само Российское государство, потому что периодически возникали то законы о том, что землю необходимо отобрать у немецких подданных, вообще у подданных центральных держав, то, что надо землей наградить, отобрав ее опять-таки у немцев, георгиевских кавалеров. А эта информация, попадая в газеты, потом в деревне получала настолько интересные интерпретации, и опять-таки все сводилось к одному – земля скоро будет наша. Соответственно, поскольку вот это ожидание, жажда земли, земельный голод не реализовывались, это способствовало радикализации настроений.

В 1917 г., как мы помним, уже полыхнуло. Приведу выписку из одного документа. Непременный член Козловской уездной землеустроительной комиссии Л.А. Зборжевский буквально через несколько дней после Февральской революции докладывал, как бывший земский начальник, уже не губернатору, а губернскому комиссару Временного правительства о том, что настроения в пользу «черного передела» не только никуда не ушли, а они вот-вот готовы прорваться. Именно в Козловском уезде начинается в 1917 г. ситуация, которая потом привела в Тамбовской губернии к появлению знаменитого постановления № 3. Ну а результат мы с вами видим: многолетнее ожидание земли прорвалось уже в действие. Это, в конечном итоге, позволяет ответить на вопрос о том, может ли крестьянское сознание повлиять на ход войны. Может. В 1917 г. крестьяне, уставшие от войны, готовы больше уже не говорить, а действовать в отношении передела, не думая о патриотической защите нашего Отечества.

О.А. Сухова. Мне интересно ваше мнение по поводу причин возникновения этой мифологемы о «черном переделе». Она появилась не в 1914 г., а намного раньше. Почему такая убежденность? Реальных оснований для ее существования не было.

Н.В. Токарев. Я могу вспомнить мемуары митрополита Вениамина (Федченкова). Он выходец тоже из тамбовских краев, из Кирсановского уезда, родился буквально в одном шаге от имени Баратынских. В воспоминаниях своего детства будущий семинарист,

а потом будущий иерарх православной церкви, он говорил, что издавна в крестьянских мечтах была мечта о том, что царь наделит землей.

Мне кажется, что есть прямая связь с отменой крепостного права. Вопрос только в том, когда и где эти настроения начинают локализоваться. Я пытался посмотреть, примерно. Была рабочая версия, что, может быть, от дарственных крестьян, у которых надел совсем смешной. Нет, не получается. Это присутствует во всех уездах, и не только в русской деревне, но и в деревне национальной. Так, что здесь, скорее всего, мы выходим на уровень менталитета, на уровень отношений между царем и подданными: Батюшка-царь должен беспокоиться о своих детях. И эта отеческая забота должна проявиться в том, что он должен наконец решить проблему земельного голода, но не путем отрубщика, а, отвечая чаяниям крестьян, в силу экстенсивной парадигмы, он должен наделить их землей.

Мне кажется так: здесь мы выходим на уровень менталитета.

Н.Ю. Пивоваров. Скажите, вот те самые козловские крестьяне, которые первые подняли восстание, они по социальному составу чем-то отличались от крестьян Тамбовской губернии, ну, и шире, крестьян России?

Н.В. Токарев. Вообще-то это тоже Тамбовская губерния.

Н.Ю. Пивоваров. Нет, я понимаю. Но это же разные уезды одной губернии.

Н.В. Токарев. Почему полыхнуло где-то раньше, где-то позже – зависело от конкретной ситуации на местах. Где-то было больше земель банковских продано выходцам из других губерний, из других волостей, из других регионов. Это уже создавало напряжение между пришлыми и местными. Где-то крестьяне оказались более активны. Сколько и где было дезертиров, это тоже очень серьезная сила. Не все они были безоружные – были еще и вооруженные, и готовые радикально решать проблему.

М.М. Есикова. Я хочу продолжить рассуждения Н.В. Токарева о влиянии различных факторов на восприятие войны в крестьянском сознании.

Уже с ноября 1914 г. в Тамбовскую землю стали прибывать нижние чины, которые были демобилизованы из армии по ранению, но в этот период властям можно было оставаться спокойными за их поведение и информацию, которую они могли бы сообщить односельчанам. Иное дело – январь 1915 г. К этому времени русские войска уже потерпели поражение в Восточной Пруссии, и это сразу же сказалось на сведениях, которые доставляли прибывавшие раненые, больные и отпускные фронтовики. Так, стала обсуждаться проблема русских солдат, попавших в плен. Удручающее впечатление производили рассказы о тех, кто сдавался добровольно. Пока подобная

информация вызывала бурю возмущения, потому что усилия правительства по обработке умов не могли моментально сойти на нет. В феврале 1915 г. отрицательное отношение к войне приезжавших с фронта стало проявляться более явно. Их недовольство вызвало отсутствие материальной помощи со стороны государства на период их отпуска или болезни. Так как к этому времени положение с пособиями семьям призванных уже наладилось, то приехавшие фронтовики по вполне понятным причинам рассчитывали на господдержку и для себя, но законом была предусмотрена пенсия только демобилизованным.

Примерно с лета 1915 г. у местных властей возникла еще одна проблема: прибывающие в губернию дезертиры. Поскольку последним на лояльное отношение со стороны государства рассчитывать не приходилось, они становились одним из главных источников формирования отрицательного отношения к войне, причем очень часто вели они себя крайне агрессивно. На отношение крестьян к войне влияли также сообщения от русских солдат, находящихся в плену. И если русскоязычные военнопленные плохих сведений о своей жизни не предоставляли, что можно объяснить немецкой перлюстрацией, то военнопленные мордовской национальности, по сведениям Темниковского исправника, обходили эти препятствия при помощи своего языка, и в этих письмах говорилось о тяжелых земляных и лесных работах, плохом питании и быте. В итоге этот источник формирования крестьянского отношения к войне стал создавать у крестьян отрицательные эмоции, подкрепляемые общим состоянием сельского населения, утомленностью от войны и желанием ее быстрого окончания для получения земли.

Таким образом, крестьяне поддерживали ведение войны лишь в самом ее начале – с августа по декабрь 1914 г. Основными причинами подобного отношения можно считать мощную идеологическую работу, проведенную правительством и местными властями, и упорно ходившими весь военный период слухами о возможности бесплатного получения земли крестьянами как победителями. Это являлось самым убедительным доводом при обосновании необходимости дальнейшего ведения войны. Настроение сельского населения стало меняться начиная с января 1915 г. Здесь сказывались и поражения на фронте, и мобилизации, и реквизиции, отрицательно влиявшие на крестьянское хозяйство, и сообщения ратников о реальном положении на фронте, и собственные наблюдения крестьян. И если в 1915 г. о войне в отрицательном плане еще открыто не говорилось, так как все резервы, и моральные и материальные, еще не были использованы, то в 1916 г. отношение крестьянства к войне стало определенно отрицательным, тем более что для решения вопроса о земле ожидаемых от правительства действий не предприни-

малось. Это и подготовило благодатную почву в сознании крестьян для протеста, что привело в дальнейшем к их участию в революционных событиях 1917 г.

В.П. Николашин. Раз уже коллеги подняли тему радикально настроенных дезертиров в черноземной деревне, то есть крестьян в солдатских шинелях, я хотел бы перейти к проблеме оценок крестьянством на завершающем этапе Первой мировой внутридеревенских реалий, а также влияния демобилизованных солдат на сельскую повседневность.

В 1917–1918 гг. на европейской сцене завершалась драма, в которой необходимо выделить несколько уровней конфликта: от цивилизационного на макроуровне до микроконфликта – на уровне регионов и даже крестьянских общин. Последний конфликт выражался, в первую очередь, в борьбе за землю. Кроме того, в деревне на первый план выступала антивоенная риторика. Стремление солдат-крестьян сохранить жизнь в непонятной им, если можно так выразиться, «не-Отечественной» войне, и, главное, вековые мечты о «Земле» и «Воле», боязнь не успеть к «разделу», толкали их на массовое самовольное, полуполицейское оставление службы. Эскалация внутридеревенского конфликта 1917–1918 гг. увеличивалась под воздействием прибывавших на родину демобилизованных и дезертиров. Первые зачастую несли с собой революционно-большевистские идеи, вторые – анархический, асоциальный заряд. Отмечу, что феномен преломления большевистской идеологии в создании солдат-крестьян имел как разрушительные, так и «созидательные» начала. «Созидательные» позволили выстроить достаточно устойчивые структуры Советской власти на местах уже в 1920-е гг. Дезертиры, напротив, оказывались вне закона. Сценарий их поведения ограничивался либо сдачей власти (иногда даже строем и под песни, как это было в 1919 г. в Тамбове), либо уходом в бандитскую «опозицию». Этому способствовали и внутридеревенские настроения. Например, И.А. Бунин в «Окаянных днях» описывал восприятие крестьянами солдат, вернувшихся с фронта. 5 мая 1917 г. на мельнице мужик говорил: «...Кто их распустил? Кому они тут нужны? Их, сукиных детей, арестовать надо!».

Жизненные альтернативы солдата-крестьянина и на родине, и в армии определялись целым комплексом факторов. По моему мнению, солдаты становились заложниками политических, революционных преобразований, материалом, из которого власть пыталась выковать новые политические структуры. А экономически поляризованная деревня с настороженностью относилась как к демобилизованным, так и к дезертирам. Каждая социальная страда деревни имела поводы с осторожностью относиться к бывшим солдатам. Сама ситуация общеполитического кризиса формировала механику

роста числа дезертиров под воздействием перманентных мобилизаций Советской власти уже в послевоенный период.

Жернова военного времени перемалывали «человеческий ресурс», и деревня выступала основным донором военных, экономических и политических потрясений. При этом по революционным и военным счетам платило крестьянство, а точнее бабы, которые стали преобладающей рабочей силой в деревне. Крестьянство прифронтовых губерний (таких как Курская, Орловская...) платило вдвойне и даже втройне. Первый раз – в рамках мобилизационных и эвакуационных мероприятий. Второй раз – в рамках волны миграций с фронта демобилизованных, дезертировавших солдат. Третий раз – в ходе описанных выше процессов дестабилизации экономической и общественной жизни в прифронтовых губерниях.

В целом социальная напряженность и аграрный вопрос вызывали антипатриотичные и откровенно антигосударственные настроения в крестьянской среде. Ключевым вопросом на повестке дня стал следующий: «Чего в этот момент действительно хочет деревня?». И та политическая сила, которая была способна ответить на данный вопрос, должна была повести за собой деревню. А деревня жаждала, как я уже упоминал, получить в свое распоряжение поземельные ресурсы и как можно быстрее завершить войну. И большевики, придя к власти, умело сыграли на настроениях крестьянства, приняв декреты «О мире» и «О земле». Фасадный «демократизм» вывесок-названий этих нормативных актов скрывал за собой жесткую пропагандистскую рациональность и стремление национализировать ресурсы деревни. «Основной закон о социализации земли», принятый еще до подписания Брестского мирного договора, сформировал основные черты аграрного строя, навязанные деревне большевиками.

Мир получился: Брест подвел черту под действиями русской армии. Но мир оказался без «земли»: аграрный вопрос так и не был разрешен в 1918 г. Напротив, во второй половине 1918 г. большевики начали «наступление» на деревню, ограничивая свободу деятельности общины на продовольственном «фронте», а также в сфере использования земельных ресурсов. Это не могло устроить крестьянский мир России, поэтому началась новая борьба деревни за свои права, но уже в рамках общенационального противостояния.

В.В. Кулачков. Мне хотелось бы сказать о некоторых социокультурных тенденциях, наблюдавшихся в жизни крестьянства Западного региона России чуть позже, в 1920-е гг. Понятно, что это уже период новой экономической политики, определенной так называемой стабилизации жизни, но, по-моему, корни происходящих процессов находятся и в событиях Первой мировой.

Например, анализ половозрастных характеристик деревенского социума позволяет сделать вывод об изменении традиционных

ролей сельских женщин. Хотя в 1920-е гг. крестьянский семейный быт характеризовался преобладанием патриархальных нравов, однако шел и процесс постепенной эмансипации крестьянок, одной из более ранних причин которого стали события Первой мировой. Как сегодня уже отмечалось, уход мужчин на фронт заставлял крестьянок выполнять обязанности, ранее им не свойственные. И позже данные тенденции стимулировали мероприятия уже новой, Советской власти.

Кроме того, сохраняли свои достаточно сильные позиции общинные структуры. Ослабление государственной власти, которое особенно усилилось в завершающий период войны, в немалой степени этому способствовало. В свою очередь, изучение правовых аспектов крестьянского быта дает возможность сказать, что для основной массы жителей деревни в 1920-е гг. сохраняло свою силу обычное право дореволюционного периода. С установлением Советской власти в правовых взглядах сельского населения стали сосуществовать нормы советского законодательства и традиционные нормы обычного права, постепенно эволюционирующие под влиянием взаимного воздействия. Ярким примером служит отношение к лесопорубкам, которые крестьяне, в отличие от госструктур, не считали серьезным правонарушением.

В.С. Жукова. В своем выступлении я хочу обратиться к такому источнику как дневники. Дневниковые записи всегда представляют интерес для исследователей. Безусловную редкость составляют дневники крестьян.

Одним из них является дневник тотемского крестьянина А.Н. Замараева, который был обнаружен научной группой под руководством А.А. Амосова. Он был опубликован в серии «Библиотека российского этнографа» в 1995 г. и в 1997 г. в «Тотьма: краеведческий альманах». Дневник охватывает довольно длительный период (с 1906 по 1922 гг.) и дает возможность проследить крестьянскую жизнь в период наибольших потрясений для России, включая Первую мировую.

Автор дневника помещает 18 июля 1914 г. (все записи – по старому стилю) следующую запись: «Утром, в пятницу, как громом ударило всех вестью о мобилизации всего запаса сил, начиная с 1897 года, то есть 17 лет, всех без исключения, кроме матросов. Предвидится война с коварной Австрией... В разгаре самого сенокоса. Утром увели с пожней всех солдат... С ними ушли жены, и матери».

Далее на протяжении всего текста дневника крестьянин воспроизводит важнейшие события войны, высказывает к ним свое отношение. Так, запись от 15 сентября 1914 г.: «Ну уж и война тяжела. Страшное напряжение... Сколько крови, сколько слез принес проклятый Гогенцоллерн Вильгельм». От 5 октября 1914 г.: «...С Спас-

ской казенки все не отперты, охота бы выпить чашку вина. Все из-за войны. Очень кровопролитная война...».

Замараев отмечает некоторые особенности в церковной службе. Запись от 25 декабря 1914 г. «Рождество Христово... Был у заутрени и обедни. Нынче молебен после обедни служили не такой, как раньше служили об избавлении России от нашествия французов, а нынче о даровании победы союзным народам над Германией. Праздник провели весело. Ноне все трезвые, вина нет».

Вот подошел к концу первый год войны и Замараев под ним подводит черту. Запись от 31 декабря 1914 г.: «...для всей России тревога, с 1 июля разразилась эта ужасная война, так что почти все мужское население было встревожено, а именно спросили сразу всех запасных солдат с 17 лет. Война, по-видимому, продлится долго, так как союзники твердо решили довести дело до конца, несмотря ни на какие жертвы, и уничтожить совсем германское могущество, которое давило в последние годы всю Европу. Пусть бы мечты союзных держав осуществились в скором времени, и наступающий новый 1915 г. принес всему миру счастье и спокойную жизнь и осушил бы слезы всех разоренных и осиротевших от этой ужасной войны».

Некоторые высказывания Замараева демонстрируют религиозность его сознания. Так, в ниже приведенных записях, помимо того, что крестьянин дает характеристику войне, он еще и говорит о неотвратимости Божьей кары, проводя аналогию происходящих событий с библейскими сюжетами: «...Страшно упорная и кровопролитная война. Такой войны не бывало от сотворения мира. Вот, действительно, чортово поколение, эти немцы. Дай бы бог одолеть союзникам этого вероломного кайзера...» (9 февраля 1915 г.). «На всех фронтах идут бои. Но кажется, конец Германии и Австрии не далек. Сегодня видел во сне, как наказывали Вильгельма: его жгли на горячих углях» (18, 19 мая 1915 г.) «...Получаются письма от солдат, что проклятые немцы душат газом. Это уж адское изобретение, а кайзер – исчадь ада» (6 июня 1916 г.) «Война, война. Когда тебе будет и конец. Кажется, вся Европа задохнется. Союзники решили твердо победить Германию, а Германия хочет победить союзников. Опять Болгария объявила войну Сербии. Верно, что пошел брат на брата, восстанет царство на царство и народ на народ, как сказано в Евангелии» (3 октября 1916 г.).

Не чуждо крестьянину и чувство сострадания, а также забота о ведении хозяйства. Запись от 14 апреля 1916 г.: «...Сколько слез, сколько горя. Приходят полевые работы, а ратников взяли. Это уже пятый раз берут ратников. Проклятая война...» 9 мая: «Наши войска отступили с Карпат. Усеяны русскими косточками эти Карпаты. Очень трудная война. Это ведь скоро 10 месяцев, а миру не слышать». 18 июля 1916 г. «Война вот уж два года как идет, а конца ей не

видно». 26 сентября: «...Сегодня отправили одну партию ратников. Жалко бедных, у других осталось по 6 человек детей, а они идут все без ропота. Эти серые русские не ведомые борцы за свою родину. Многим из них, наверное, не бывать домой».

Вот какой итог года подводит Замараев в конце 1916 г. (29 декабря): «Ушедший в вечность 1916 год принес всей России мало хорошего и отрадного. Кровопролитнейшая мировая война не кончена. Сотни тысяч людей всех воюющих государств преждевременно кончили расчеты с землей, а впереди неизвестность и тайна, которая закрыта от нас...»

Несмотря на все тяготы военного времени, крестьянин очень болезненно реагирует на разложение армии. В 1917 г. он помещает следующие записи: «Русская армия оказалась одна из худых. Целые дивизии отказываются идти в бой. Стыдно союзников и совестно против тех, которые полегли костями раньше. По-видимому, это теперешняя армия – одни пустокормы. Она не в состоянии сделать ничего хорошего...» (8 июня). «В армии дело обстоит не совсем хорошо. Солдаты, не сознательные, темные, тысячами уходят, бежат с фронта. Между тем некоторые из них, в которых есть совет и сознание, гибнут тысячами. Первые – изменники и предатели родины, а вторые – истинные защитники, которым честь и слава» (12 июля). «...Армия опозорила сама себя и родину, на солдат становится противно смотреть» (22 августа). «Доблестные наши войска сдали Ригу (татарская орда)» (20 июля).

Любая война опустошает, сеет горе, нужду, смерть. Она влечет за собой тяжелые последствия. Война нарушает естественное течение жизни, ставит людей в экстремальные условия выживания. Война оставляет неизгладимый след в сознании народа, но, несмотря на это, из данного источника мы можем видеть, что сознание крестьянина остается традиционным.

А.В. Скутнев. Я бы хотел поговорить не только о крестьянах, но и, собственно говоря, обо всем сельском обществе, которое включало в себя, в том числе, и священнослужителей.

Если вообще сравнивать пореформенную эпоху, время конца XIX в. и начало XX в. и тем более в годы войны, то чувствуется, что как бы все то же самое, а, тем не менее, изменения есть – и тем более заметные, что растет их массовость. В целом это можно объяснить секуляризацией сознания. В середине XIX в. священнослужителей тоже охватила секуляризация сознания, так же как это раньше охватило дворян. Это заметно в отношении к революции. Февраль 1917-го многие священнослужители встречали восторженно. Они были пропитаны духом революции.

Если мы говорим о Первой мировой, то бросается сразу в глаза отличие от предыдущих периодов – это отношение к заповеди «не

убий». Сегодня уже об этом говорили. Действительно, читая журналы Вятской духовной консистории, понимаешь, что, в принципе, каждый месяц в течение всех этих военных лет идут одни и те же дела, когда священнослужителей заставляют накладывать епитимью на крестьян по поводу их попыток самоубийства. Следовательно, можно предположить, что попыток было явно меньше неудачных... Скорее всего, было огромное количество удачных попыток. Причем оказывается, самоубийством заканчивали в годы войны и некоторые священнослужители, что, в принципе, является совершенно выдающимся событием для церкви. Многие сходят с ума. Среди священнослужителей тоже такие случаи есть.

Цена человеческой жизни теряется в годы войны. Особенно в 1915–1916 гг. Мы обнаруживаем массу таких случаев, когда два брата, скажем, на фоне действующего «сухого закона», играют в карты в течение двух недель, употребляют алкоголь, понятно, что это не качественный алкоголь. На этом фоне, за 15 копеек, один убивает другого. Второго отправляют в арестанты.

Вот отношение к священнослужителям, скажем... Я не говорю о случаях, когда священнослужители нарушают заповеди, хотя это тоже заметно... Число внебрачных детей увеличилось в годы войны. Сами священнослужители иногда живут вне брака. Мы видим, как священнослужитель и его супруга, отвечая на вопрос благочинного, говорят, что у них просто не сложились отношения, и они решили жить отдельно. Это, несомненно, оказывает влияние на паству. Растет число атеистов. Если в XIX в. это единичные случаи, когда консистория рассматривает дела про целые деревни, которые пишут запрос о том, что они хотят отказаться от православия и перейти в язычество, то в годы войны таких случаев становится больше.

По отношению к «сухому закону». В Вятской губернии тоже было в 1914 г., когда только началась война: в городе Котельничском на призывном пункте произошли массовые беспорядки, в которых приняло участие 6 тысяч призывников. Пришлось туда направлять команду. 12 человек пострадали. Четверо погибли.

Сами священнослужители поддерживают это, то есть торгуют алкоголем. Был случай, когда три крестьянина погибли от некачественного спирта, который продали священнослужители.

Отношение к армии напрямую зависит и от отцов духовных. Заметно, как падение религиозности убыстряется в эти четыре года войны.

Причиной русской смуты является изменение менталитета, изменение традиционного сознания. Я думаю, что немаловажную роль здесь сыграло и падение религиозности.

А.А. Симонов. Согласен, что часть священников, возможно, ушла в сторону от своих обязанностей. Но, как известно, на войне,

на фронте, в окопах – неверующих нет. Вы-то, наверно, больше про тыл говорите, священничество в тылу таким стало.

А.В. Скутнев. Действительно, на войне чувствуется, и об этом свидетельствуют мемуары, что религиозность выше, чем в тылу. Это действительно так.

Т.И. Трошина. Мы тут с О.А. Суховой переговорили... Мы по своим источникам, по своим регионам видим обратную картину – повышение роли церкви. Народ весь в церковь пошел опять. Священники, действительно, воспринимались как такие отцы народа. Авторитет священнослужителей чрезвычайно велик. У вас совершенно иная картина.

А.В. Скутнев. Нет, я с самого начала сказал, что являюсь историком церкви...

Т.И. Трошина. А причина в чем?

А.В. Скутнев. Нет, я хочу повторить, что я с самого начала сказал: это бросается в глаза по сравнению с пореформенным периодом. Смотря что сравнивать. Понимаете, вот мы берем середину XIX в. и годы Первой мировой – отличия колоссальные. Особенно для меня, для человека, который этим занимается. Вот всех компонентов это – другой период. Я был поражен этими отличиями...

Т.И. Трошина. Может быть, я неправильно вопрос сформулировала... Но вы какими источниками пользовались? Потом, 1917 г. – это совсем другая ситуация. То есть читаешь, например, в церковных летописях, что сначала, на протяжении почти всей войны, положительные моменты: благотворительность, приходские комитеты, помощь семьям призванных. Есть, конечно, и негативные моменты, но священнослужителям и прочей интеллигенции удастся это все исправить. Но где-то в 1917 г. по весне приходят дезертиры (хотя, на мой взгляд, никакие это не дезертиры, а, просто, командиры самых «шумных», активных солдат отправляли в отпуска) и настраивают население уже против церкви. Так может быть, все-таки, хронологически это 1917 г.? Это первый вопрос. Второй вопрос: какие источники? В общем, как-то сложно представить, что священнослужители будут торговать спиртными напитками.

А.В. Скутнев. Какие источники? Журналы духовной консистории. По крайней мере, для тех, кто занимается историей РПЦ. Какие еще? Протоколы духовной консистории.

Т.И. Трошина. Может быть, это отдельные случаи? Может, их нельзя распространять на всю массу священнослужителей? И оценивать их уровень религиозности?

А.В. Скутнев. Статистика, конечно, вещь скупая. Но вот, скажем, я беру даже Архангельскую губернию, исследованием которой я занимался в архиве. Одно из мерил фактора религиозности – количество людей, посетивших храм в течение года. Вот оно из года

в год падает, начиная с XIX в. Никаких повышающих нюансов там нет. Это такое бесконечно продолжающееся падение вниз. Годы войны просто обострили все это.

М.И. Ивашко. Представляется, что картина, словесно нарисованная коллегами о степени религиозности российского крестьянства и поведения православного духовенства, окормляющего сельскую паству в годы Первой мировой, требует определенного уточнения.

Прежде всего, трудно согласиться с утверждением о том, что на протяжении четырех лет войны «убыстряется падение религиозности» среди российского крестьянства. Религиозность крестьянства стала меняться задолго до войны. Еще генерал А.И. Деникин, анализируя произошедшее с Россией в 1917 г., писал, что религиозность русского народа, которая установилась за ним веками, несколько пошатнулась к началу XX в. В чем причина подобного изменения? Факторов, которые оказывали влияние, много. Среди них: последствия реформ Александра II, завершение промышленного переворота и широкое распространение модернизационных и миграционных процессов, проникновение в деревню под воздействие реформ С.Ю. Витте и П.А. Столыпина капиталистических отношений, разрушение традиционных общинных порядков деревни и т.д. Народ, по мнению того же Деникина, «подпал под власть утробных, материальных интересов, в которых видел единственную цель и смысл жизни...» В этом ряду стоит и война, которая, безусловно, внесла лепту в секуляризацию крестьянского сознания, разрушая привычный уклад его духовного мира, поведения и отношения к РПЦ и духовенству.

Кроме того, когда мы говорим о религиозности российского крестьянства, то нужно обозначать временной отрезок. Если это 1914–1915 гг., это – один уровень религиозности крестьянской массы. Несмотря, на так называемый «ползучий атеизм», в крестьянской среде, так же как и в обществе в целом, царил подъем, воодушевление, патриотический порыв, направленный на поддержку самодержавия, российской армии. Огромная роль и заслуга в создании такой атмосферы принадлежала РПЦ, которая, опираясь на религиозность российского общества, в том числе и крестьянства, сумела добиться единения его в сложный для страны период.

И совсем другой уровень религиозности и настроения в крестьянской среде мы наблюдаем в 1916, 1917, 1918 гг. Это – разочарование и недоверие к власти, к РПЦ как институту, тесно связанному с властью, к самому духовенству, которое в экстремальных для государства условиях не смогло выступить в роли «духовного поводыря» и дать нравственные установки для деморализованного войной и революцией крестьянства. Отсюда снижение активности

крестьянства в различного рода благотворительной деятельности в пользу фронта, проявление недовольства в форме выступлений против власти, а в отдельных случаях и против духовенства на местах.

И все же, представляется, что в войну не происходило катастрофического падения уровня религиозности в крестьянской среде. Подавляющее большинство крестьян в условиях войны (а подавляющее большинство тягот легло на их плечи: не будем забывать, что на их долю приходилось 78 % в социальной структуре населения Российской империи в 1913 г.) утешение и душевное облегчение находило именно в религиозной вере. Другое дело, что у российского крестьянства всегда присутствовало свое специфическое понимание веры. Об этом достаточно много сказано в отечественной историографии. Представляется, что за годы войны в большей степени не уровень религиозности снижался, а менялось отношение крестьянства к РПЦ, которая ассоциировалась с властью. Рухнувшее самодержавие пошатнуло авторитет РПЦ и духовенства на местах в глазах крестьянской массы. А отсюда и те негативного характера примеры, о которых говорил уважаемый коллега А.В. Скутнев. Это были отдельные случаи, которые нельзя обобщать и говорить об их доминировании в рассматриваемый период. Заметим, не они определяли суть настроений и поведения крестьянства в Первую мировую.

И второй момент, который прозвучал. Это поведение епархиального духовенства в годы войны. Многие из них (заметим, далеко не худшие) ушли на фронт. Протопресвитер армии флота Г.И. Шавельский в своих воспоминаниях назвал цифру более 5 тыс. Именно столько священников прошли за годы войны через действующую армию. Если учесть, что в начале войны в собственно военном ведомстве числилось всего 730 священников, то получается, что в Первую мировую более 4 тыс. приходских священников познали тяготы фронтовой жизни. Духовенство, оставшееся на местах, по утверждению многих исследователей, занимались самой разной работой, направленной на оказание помощи фронту и семьям солдат в тылу. Это был повседневный труд, труд не напоказ, а во благо своей паствы. Эта страница в отечественной историографии на сегодняшний день мало изучена. Для полноты картины крестьянской жизни в годы войны она требует своего исследования. Конечно, были и другие примеры, который не красят историю РПЦ. Но не они были решающими в тот период. О них нужно говорить, как о пороках – и уроках, которые общество должно извлекать из своей истории.

А.В. Долгова. Я занималась исследованием крестьянства в годы Гражданской войны. Но, специально к этому мероприятию, я съездила на север Пермского края, на свою родину, в город Чердынь. И использовала для подготовки сегодняшнего выступления такие ис-

точные как журналы Чердынского уездного земского собрания за 1915 г. и документы Государственного архива Пермского края.

Надо сказать, что на севере, не только на севере Пермской губернии, население встретило войну с патриотизмом, с всеобщим желанием помочь стране. Например, Чердынское уездное земство жертвовало 900 руб. в пользу пострадавших от военных действий.

Рядовое население тоже активно принимало участие. Несмотря на материальные трудности, желающих принять участие во благо Родины было достаточно. Помогали всем миром, закладывали последнее имущество, записывались добровольцами, в связи с чем резко обозначилась проблема нехватки врачей и учителей. Это было связано с тем, что многие уходили на фронт. Не буду сейчас зачитывать конкретные цифры, но это имело место.

О семьях призванных заботились губернские, уездные и волостные попечительства. Туда обращались за помощью их родственники. Также документы свидетельствуют о том, что нуждающихся было действительно много. Практически у всех была одна и та же проблема – это нехватка рабочих рук, которая особенно проявлялась в период полевых работ. Чтобы ее решить, крестьянские семьи нередко использовали наемный труд. Наемный труд не был, как известно, продуктивным. Этот опыт, я имею в виду отказа от наемного труда, в Чердынском земстве не был учтен большевиками. Большевики активно привлекали военнопленных.

Программа оказания помощи в годы войны земствами разрабатывалась с особой тщательностью. Необходимо было установить точное количество действительно нуждающихся семей. Недостаточно было факта присутствия члена семьи на фронте – учитывались состав семьи, количество работоспособных, имущественное положение и другие обстоятельства. Попечительства очень тщательно изучали состав семей. Семьи в Чердынском уезде были очень большие. Когда большая часть мужского населения ушла на фронт, образовалась нехватка рабочих рук. В семьях остались старики, дети, женщины и еще инвалиды. Конкретно по материалам Чердынского земства была высокая инвалидность.

Это было связано еще и с тем, что, несмотря на наличие земских больниц, беременные обращались к бабкам-повитухам. Отсюда был такой уровень инвалидности. То есть и женщины погибали, и дети, соответственно. И это при том, что больницы пустовали.

Еще хочу сказать, что способы и мотивы уклонения от службы среди крестьян в годы гражданской войны и в годы Первой мировой сильно отличались. Это объяснялось обстоятельствами и, вообще, возможностью уклонения, да и отношением крестьян к службе, в принципе, в годы мировой войны было другим. Более того, способы уклонения от службы среди рядовых чинов и офицерских

были также в корне различны. Например, в начале Гражданской войны основным способом уклонения от службы было уклонение с помощью поддельных документов, то в годы Первой мировой такой возможности не было. По крайней мере, я не встречала в архивных документах, чтобы был такой способ уклонения. Это было технически сложно.

Основными способами уклонения среди рядовых были бегство с поля боя, членовредительство, нанесение ущерба здоровью и даже поступление на государственную службу. А как крестьяне относились к этому? Крестьяне к таким фактам относились негативно. Они даже доносили всем обществом. Причем не было единой формы обращения. Прочитаю документ, он небольшой совсем. Это 1915 г. На имя Пермского уездного воинского начальника поступило прошение от крестьянина: «Прошу Вас Ваше благородие принять сие мое прошение. Мне пришлось узнать у одного брата, что он остался по болезни сердца, но мне это стало очень подозрительно, так как он совершенно здоров. Их три брата и они живут все дома. А тут последнего хозяина и то взяли на войну и они эти же братья совершенно здоровые. Между этими тремя братьями есть богохульство. Как-то раз я остался с ними и начал у них спрашивать. Они мне рассказали, как они это делают с сердечной болью. Делают они это так: до прибытия на комиссию дня за два пускаются в пьянство, хлеба не едят, а затем в полутрезвом виде являются на медосмотр. Я чувствую по себе, что когда я напьюсь пьяный, то на следующий день голова у меня болит. Биение сердца получается очень сильное». В конце этого донесения он говорит, что каждый должен служить и «защищать Родину, Царя и Отечество»: «Имею честь доложить Вашему Высокоблагородию взять этих трех братьев (хотя бы одного) и положить его в больницу для испытания». Разные способы уклонения от службы были: клали, например, камфору в уши – это вызывало кровотечение и т.д.

Последнее, что я хотела сказать: проведу параллель с Гражданской войной. Бытует мнение в исторической науке, что крестьяне не хотели воевать ни в Красной армии, ни в белых армиях. Если мы возьмем 1918 г., например, материалы по Пермской губернии, то я нашла массу документов, в которых содержатся списки добровольцев в Красную армию. Это, в основном, была молодежь. Падение Перми в декабре 1918 г. не было вызвано массовым дезертирством.

Т.И. Трошина. Безработица... Конечно, в армию шли. Куда еще? Заработать-то каким еще образом? Они получали хорошее жалование.

А.В. Долгова. Они даже не знали, куда они идут. Просто в такой-то большевистский полк. Прямо чуть ли не целыми деревнями.

Т.И. Трошина. Белые стали больше платить, и они стали в бе-

лую армию идти.

А.В. Долгова. Это уже потом было. Да, здесь я хочу заметить, что вот это отношение крестьян к службе в Красной армии менялось в ходе Гражданской войны.

А.А. Куренышев. Опять я наблюдаю здесь такой женский подход к вопросам службы. У меня вопрос такой.

С.Ю. Разин. А вы хотите услышать мужской подход?

А.А. Куренышев. Ну, еще бы. Кто служил – тот знает многое из того, о чем тут говорится как о больших открытиях. Я имею в виду, что все методы «косьбы» от армии – они известны и до сих пор существуют. Но ведь и другая сторона-то присутствовала здесь. То есть, сама комиссия как-то же могла объективно оценить? Вот этот-то момент у вас как-то отражается?

А.В. Долгова. Могла ли комиссия определить?

А.А. Куренышев. Да, да. Ну, если он напился вчера, то это же видно! У него давление подскочило.

А.В. Захаров. Я постараюсь ответить на те вопросы, которые были заданы. И, прежде всего, на вопрос, была ли для русского крестьянства Первая мировая «Отечественной» войной, и есть ли разница в том, как крестьяне России воспринимали Первую мировую и Вторую.

Судя по тому материалу, с которым я столкнулся, крестьяне в Первую мировую и крестьяне во Вторую мировую – это абсолютно разные люди. Связано это с тем, что Первая мировая началась после некоторых результатов столыпинской аграрной реформы и поэтому крестьяне в этой войне защищали, прежде всего, те земельные наделы, которые они получили в результате этой реформы, и именно их можно в полной мере называть крестьянами. А те крестьяне, которые воевали во Вторую мировую, были колхозниками, и, как мне кажется, здесь, прежде всего, имели значение та пропаганда и идеология, которая была в Советском государстве. И нельзя уже их в полной мере называть крестьянами: они уже не воевали за землю, а воевали за государство и за идеологию.

Что касается «Отечественной» войны, то, естественно, крестьяне видели и в Первой мировой какие-то отголоски войны 1812 г. Они шли с воодушевлением, и есть огромное количество доказательств, свидетельств того, что крестьяне, прежде всего в тылу, хотели показать своим трудом отношение к Родине. Здесь уже несколько раз говорилось про труд крестьянок, про труд тех женщин, которые остались в селе. Я хотел бы привести такой пример, когда крестьянки, оставшись без мужей, с большим рвением относились к работе. Даже периодическая печать распространяла такие призывы: «Мы произвели весенние посевы так хорошо, как не производили в прошлом году наши мужья. По указаниям агронома, с помощью

земских сеялок, весенние работы прошли легко и хорошо». Может быть, это носило агитационный характер, но, скорее всего, так и было потому, что поступали сведения с других хозяйств, где помогали всем миром тем семьям, которые остались без мужей.

Вот, здесь, как мне кажется, идет еще одно столкновение между теми крестьянами, которые выделились в отруба и хутора – об этом тоже уже сегодня говорили – и теми, крестьянами, которые остались в общине. Вот на этот момент граница, скорее всего, стерлась. Потому, что начало войны было на духе патриотизма, помогали всем, независимо от того остался в общине человек или выделился из нее, именно всем миром шли и помогали.

В 1916 г. уже такого не было. Уже натолкнулись на какие-то единые интересы, собственнические интересы и такой бурной помощи не было.

Еще один момент, касающийся ментальности и борьбы настроений, – это беженцы. Как известно, в Саратовском Поволжье было очень много беженцев. Вот, что касается ментальности... Беженцы не хотели работать. Прежде всего, здесь была объективная причина – они получали пособия государственные, и это их не торопило к работе. К этим беженцам возникали негативные настроения местного населения. Кроме того, если они работали, то для них были совершенно другие расценки – более высокие, чем для местных наемных работников. Это в очередной раз возбуждало среди сельского населения недовольство беженцами и, опять же, подвигало к конфликту между местным населением и пришлым. Ну и, в конце концов, была, немного, может быть даже, и лень этих беженцев, которые не видели земли своей, не видели своего двора и занимали иждивенческие позиции.

А.В. Скутнев. Вопрос по поводу того, что вы сказали, что относились негативно к тем, кто ушел на службу и вернулся в 1916 г.

А.В. Захаров. Нет, я не об этом говорил. Я говорил о том, что просто в 1915 г. помогали семьям, которые остались без мужей, гораздо активнее, чем в 1916 г. Это было связано с подъемом патриотизма.

А.В. Скутнев. Да, вот. Не является ли это, опять же, региональной спецификой? Дело в том, что я таких случаев немного обнаружил, но они все за 1915 г. Причем за начало 1915 г., когда на сельских сходах крестьяне выступают резко против какой бы то ни было помощи солдаткам, отмечая, что, якобы, их мужья на войне в карты играют. Это я один случай привожу.

А.В. Захаров. Нет, я думаю, что помогали. У меня есть цифры. Допустим, есть Царицынский уезд, 1915 г. Вот Отраденская волость – помогли 160-ти семьям, Липовская волость – помогли 191-й семье, Малыклинская – 60-ти семьям. Это массовый характер. Есть

данные не только по регионам Саратовской губернии, но и российская статистика: Мариупольский уезд, Павлодарский, Бахмутовский... Я не буду сейчас перечислять. Было именно стремление помочь людям. Всем миром шли и помогали.

Ю.П. Литвин. То есть вы хотите сказать, что источником иждивенческих настроений были беженцы? Не семьи солдаток, не помощь государства этим семьям...

А.В. Захаров. Беженцы – это один из элементов иждивения. Они получали деньги – это раз. Еще и оправдание у них было такое своеобразное: многие не работали из-за того, что были заняты поиском разорвавшихся своих семей. Писали письма в различные ведомства... Может быть, делали видимость, а, может, реально искали свою семью. Других особенных иждивенческих настроений не было заметно.

А.В. Посадский. Надо иметь в виду, что проблема желания или нежелания помогать и динамика этих настроений очень привязаны к конкретным обстоятельствам. Вероятно, по регионам окажутся существенные различия. Вот ряд сюжетов по Саратовской губернии. В 1915 г. крестьяне очень упрямо противостоят попыткам начальства добиться приговоров о помощи семьям призванных. Огульные обещания давать не желают. Назначаются конкретные помогающие конкретным семьям, в основном из родни. Аргумент: если выдать общий приговор, то солдатки сядут на шею и затаскают по судам при уклонении. Или, например, Кузнецкий уезд, медвежий угол. Есть славяне-военнопленные, которых можно бы раздать в помощь. Но в уезде сплошь соха, а австрийские пленные только на плуге работают. Бесплезны. То же и с беженцами зачастую. Некрестьянин, даже при доброй воле, в крестьянском труде не силен. Вообще, по жандармским донесениям, желание заключить мир на любых условиях в нашей губернии начинает фиксироваться, как желание меньшинства, с осени 1915 г., не ранее. Сказывается усталость тыловой губернии и, вероятно, известное уныние после череды поражений. Специфический саратовский сюжет – огромные массивы немцев-колонистов. В русском крестьянстве идея получения их земель фронтовиками с переселением немцев, например, «к себе, в Германию», жила.

Н.В. Липатова. Я тоже постараюсь сосредоточиться на тех вопросах, которые сформулированы в проблематике нашего круглого стола. Первая мировая сломала привычные социальные роли, а революция 1917 г. этот процесс только усугубила. Неопределенность – одно из самых сложных, неприятных, разрушительно действующих на человека состояний. Солдаты тыловых гарнизонов 1917 г. – это как раз одно из проявлений такого состояния. Это были достаточно многочисленные военные силы. Численность тыловых гарнизонов,

например, в Самаре составляла 60 тыс., в Сызрани – 29 тыс., в Симбирске – 35 тыс.

Поставленные под ружье и находившиеся в тылу, они ощущали себя в шинелях, как в «платье с чужого плеча». Безусловно, от своих крестьянских корней они не только не отказывались, но и, как свидетельствуют материалы писем и фрагменты воспоминаний, считали, что это и есть их настоящая жизнь, роль и даже святая миссия: пахать землю и выращивать хлеб. Это надломленная крестьянская идентичность подпитывалась и тем, что фронтовики тыловиков не принимали за своих, так как они «пороху еще не нюхали». Крестьяне видели в них угрозу, так как в поисках пропитания, которое в тыловые гарнизоны распределялось по остаточному принципу, вместо занятия необходимым делом – посевными работами – солдаты-тыловики «рыскали» по окрестностям в поисках пропитания, грабили мирное население и «прохлаждались» в казармах. В поисках дополнительного заработка они пользовались главным «аргументом» – оружием. Например, в конфликте между рабочими и солдатами запасного 158-го полка, когда военные заявили: «Если вы нас не примете на работу, то будете выбиты штыками, а крестьяне хлеба вам не дадут». В некоторых городах, например, в Саратове, они превратились, по сообщениям губернатора, в «главное зло, безответственных хозяев положения». Аресты, самосуды – во всех этих делах они присутствовали. Самостоятельное «улаживание» спорных вопросов выливалось в поджоги и столкновения с местными жителями.

Страх, неуверенность в будущем порождали и массовую истерию, хулиганство, дезертирство уже из тыловых гарнизонов. Солдаты-крестьяне были одной из самых уязвимых социальных групп. Их поведение характеризовалось повышенной степенью конфликтности. Что было наиболее примечательным в Поволжье – среди рабочих и крестьян, наоборот, присутствовало стремление к конформизму. Исследователи тыловых гарнизонов выделяют ряд тенденций, характерных для этих воинских формирований. К ним относились высокая политизация солдатских масс, общее падение дисциплины и пренебрежение воинским уставом из-за введения приказа № 1. Последний должен был, по замыслу его авторов, пресечь такие нарушения, как препятствие замене тяжелых наказаний на более легкие, давление на врачей (в Самарском гарнизоне по приказу генерала А.Г. Сандецкого один из солдат, признанный негодным к службе 6 (!) раз, был объявлен генералом годным к службе, хотя врач утверждал, что не стоит пересматривать решение), препятствие встречам с близкими, формирование «вечного животного страха перед начальством».

Анализируя переписку, постановления поволжских Советов, земств, других учреждений и непосредственно выступления самих

солдат, обращения их к своему руководству, можно выделить три главных символа-образа, определяющих крестьянскую идентичность солдат тыловых гарнизонов, которые переживают трансформацию в годы Первой мировой. Эти три составляющие выявлены с помощью метода фрейм-анализа (рамочного анализа) переписки, публикаций, материалов воспоминаний, чтобы выявить наиболее общие формулировки. В нашем случае более других оказались востребованными такие категории фрейм-анализа, как «видимость», «форматирование» и «важность» (“salience”, “sizing”, “importance”) – именно с их помощью были проанализированы 123 источника.

Сам этот механизм трансформации был только запущен Первой мировой – и продолжил свое действие во Вторую мировую. Что же представляют эти символы-образы (как стержень крестьянской идентичности), и как они проявлялись в этих двух войнах?

Прежде всего – это земля как непреложная ценность. Так было на протяжении всей истории России. Однако 1917 г. вносит коррективу: земля не сама по себе является ценностью, а ценность – то, что она может дать. И факт того, что ней можно и нужно работать. В Саратовской, Самарской, Симбирской и частично Казанской губерниях солдаты в начале сельскохозяйственного сезона захватывали кусочек земли и обрабатывали его, что-то выращивая на грядках, чтобы прокормить себя. Это подтверждает фактор сезонности, о котором здесь говорили, правда, в несколько ином контексте. Это подтверждает то, что мыслили они, в данном случае, именно как крестьяне, а не как солдаты. Безусловно, были и «истинные» солдаты, которых переводили в тыловой гарнизон и они очень удивлялись: «Вы что делаете? Вы зачем работаете вот на этом огороде? Вы зачем все это сажаете? Надо писать выше, надо писать руководству и тогда все будет в порядке».

Во время Второй мировой, по воспоминаниям тех, кто был угнан в Германию на работу, а потом оказался в переселенческих лагерях, эта тяга к земле позволяла выжить, сохранить себя. Люди, оказавшись на чужой территории, на территории врага, работали – и работали, в общем, достаточно хорошо. В ряде публикаций это даже было предметом критики и трактовалось чуть ли не как факт предательства. Но для крестьян, оказавшихся на земле, – это был способ просто забыть о том, что ты на чужой территории, «не сойти с ума», «не погибнуть». Ведь земля – она не просто ценность, она должна возделываться; и крестьянский труд – это один из способов утверждения себя как крестьянина, как человека, связанного с землей.

Еще одним символом крестьянства была общность – как ценность и иррациональное в своей сути доверие. Если человека признали своим, то солдаты тылового гарнизона ему доверяют, но не как солдату, а как крестьянину. В документах дела генерала Сан-

децкого есть такие объяснения успеха внезапной большевистской агитации в Самарском гарнизоне в 1917 г. (еще до Корниловского мятежа): «Почему вы поддержали и поверили, не выступили против? Он ведь чужой. А почему вы послушали того, кто пришел к вам извне? – Потому что он крестьянин, он не солдат». Речь шла о большевике Гришине, который доказал, что он свой и знает, что такое крестьянский труд. В материалах дела подробно описывается, почему именно солдаты самарского гарнизона признали его крестьянином. Это был своеобразный тест-контроль, собеседование. Летом 1917 г., когда новый человек приходил, прибывался к тыловым гарнизонам, то одним из показателей были загорелые кисти рук (крестьяне в поле закрывали руки до ладоней, а рабочие, наоборот, закатывали рукава).

Третьим символом-образом является ценность рода и семьи. Главная задача человека на войне – выжить. Ради чего выжить? Не только ради того, чтобы самому выжить, но и потому, что если с ним что-то случится, его семья потом будет бедствовать и голодать. Именно поэтому солдаты тыловых гарнизонов грабили окрестных крестьян. Потом писали в рапорте, что «в этой семье есть еда на троих, а живет только двое. А у нас еды нет. Они не хотят это понять, поэтому мы берем хлеб насильно». В то же время, если они не считали, что крестьянам хватает хлеба, то, наоборот, отказывались изымать хлеб по мартовскому (1917 г.) закону о хлебной монополии. Так, в с. Атяшево Ардатовского уезда Симбирской губернии двое солдат агитировали население против хлебной монополии и препятствовали реквизиции хлеба, несмотря на то, что изначально были отправлены объяснять крестьянам необходимость сдачи хлеба на ссыпные пункты по твердым ценам. В с. Малячкино Сызранского уезда население не подчинилось требованию сдать хлеб, и 28 августа солдаты его поддержали, нарушив приказ и, отказываясь изымать хлеб силой. Военный отряд, отправленный в Ишеевку Симбирской губернии для осуществления закона о хлебной монополии пришлось вернуть, так как он с заданием не справился.

С целью прокормить семью тыловики бежали домой, просили отпуска. Чтобы сократить количество дезертиров, местные органы власти принимали решения о предоставлении отпусков. Так, Самарский Совет (по сообщению газеты «Известия Самарского Совета» от 22 марта 1917 г.) принял решение о предоставлении солдатам такого отпуска на 21 день. В первый же день уехало 1 400 человек. Всего планировалось перевести 12 тыс. отпускников.

Обе мировые войны изменяют ценность семьи и рода как единицы на ценность конкретных членов семьи. По материалам писем это наиболее ярко видно. Автор одного из них пытался объяснить родным свое видение основной задачи на войне так: «Вот теперь я по-

нимаю, что у меня есть трое внуков, семеро правнуков, и, соответственно, столько-то сыновей, а вот мой отец даже не знал, сколько у него внуков. Он их по именам не может перечислить... Моя задача защищать конкретных людей, а не в целом семью».

В.Б. Безгин. Если Первая мировая и была «Отечественной», то лишь в самом ее начале, когда объявление Германией войны России вызвала в стране подъем патриотических настроений и консолидацию различных слоев общества. Однако к 1916 г. все изменилось. Не стало кадровой российской армии, которую сменили мобилизованные крестьяне. В целях дискредитации царского правительства Прогрессистский блок выдвинул надуманный тезис о «государственной измене», который был тотчас подхвачен либеральной прессой. Отречение Николая II с целью «спасения Отечества» выхолостило государственный смысл военных действий. Разрушение армии было довершено приказом № 1 Временного правительства, вызвавшего волны дезертиров.

Российская армия периода войны была по своей сути крестьянской. Ее дух и боеспособность во многом зависели от настроения крестьян, одетых в солдатские шинели. На передовой они мыслями и чаяниями продолжали оставаться в родной деревне. События, происходившие там, волновали их больше, чем планы военного командования и текущие боевые операции. События февраля 1917 г. окончательно деморализовали русскую армию. Но в большей мере на ее состояние повлиял начавшийся в селе «черный передел». В условиях слабости центральной власти и фактического безвластия на местах община взяла инициативу в свои руки, приступив к осуществлению вековой крестьянской утопии – ликвидации помещичьего землевладения. Масса крестьян-дезертиров, хлынувшая в родные села, боясь опоздать к разделу вожделенной земли, придавала радикализм этому процессу. Временное правительство не было в состоянии остановить крестьянскую самостоятельность, хотя и пыталось удержать аграрное движение в правовом поле. В результате земельный вопрос был решен в общинной традиции уравнительного распределения, а отрубные и хуторские хозяйства были фактически ликвидированы.

Думаю, что в этот период итог войны для России был уже предрешен. «Власть земли» для крестьянина оказалась ближе и сильнее, чем геополитические интересы страны. Мужик не хотел воевать, и добровольный набор, а потом и мобилизация в Красную армию, лишь подтвердили это. Но острый внутривосточный конфликт и как следствие Гражданская война не оставили крестьянству возможности занять позицию стороннего наблюдателя. Российская деревня по традиции выступила для противоборствующих сторон источником людских ресурсов и хлеба. Продовольственная диктатура для

коммунистического режима стала способом удержания власти. Насилие власти село ответило чередой крестьянских восстаний, а участие в них крестьян-фронтовиков придавало им организованный и ожесточенный характер. В отличие от времени Первой мировой понятие «Отечество» для участников «зеленого» движения приобрело конкретное значение: это были их родные села и деревни. В этой борьбе крестьянство отстаивало свое право на землю и хлеб, на деревню свободную от власти, как помещиков, так и коммунистов.

А.Б. Асташов. Относительно патриотизма... Там все непросто. Я смотрел письма многие... Конечно, шквал идет всегда в отчетах. Но там есть эмпирика. Я бы это назвал пассивным патриотизмом. Он говорит: «Я пошел защищать Родину, потому что судьба такая». Ведь это штамп. И это, кстати, логично, потому что откуда же, как же он вдруг пропал? Конечно, он был несознательный – это очевидно.

Второй вопрос относительно того, воспитывала ли армия из крестьянина солдата. Очень тяжелый период был первый... Конечно, все знают аргументы. Это А.А. Брусилов, который сказал, что мобилизационную армию перебили осенью 1915 г. Он просто припечатал: это все. Резко изменился состав. Вопрос о земле так и не был решен. Треть крестьян вообще проходила службу... А призыв-то был всеобщий... О чем речь? Дальше все просто. В армии – 15 млн солдат. Из них остались 9 млн, которые никогда в жизни не служили в армии. У него там панические вещи. Особенно в феврале он начинает просто панику. Он написал письмо начальнику штаба, в котором он спрашивает: «Что делать? Мы ничего не можем сделать с запасными батальонами? Пошло такое просто хулиганье!».

Там интересные вещи относительно гендерных отношений. Вопрос раскрестьянивания, мне кажется, носит несколько негативный аспект. Он просто стал никем. А мне кажется, что он стал кем-то. Пример приведу. Война – это большая мясорубка. Солдат – он член какой семьи? Малой. Или что? В чем дело? А у него жена. А вот на кого выписывалось именно пособие. На жену. Дело в том, что раньше отходник должен был все отдавать в общий котел. Он идет опять к начальнику штаба и говорит: «Меня грабит кто? Не жена. Меня грабит отец, вот, большой. А жена просит пособие, чтобы ей его отдали». Возникает, фактически, связь малой семьи. А это начало современности.

Следующий момент, относительно отхода... Здесь коллеги из регионов, я думаю, больше меня знают об этом. Дело в том, что в отходе есть цикл. Боюсь, что он определяется циклом деторождения. То есть солдат уходит в отход и через год он обязательно придет... А что за призыв был осенью 1915 г. и почему осенью 1916 г. начался этот обвал, кризис и прочее? Мне кажется, что это важно. Я пони-

маю, что это спорный момент. Но вот отход – я даже не ожидал, что здесь соберется такая группа, которая вся за отход...

Наконец, последнее. Важно учитывать влияние территориального районирования на формирования военных частей и военные действия, влияние территорий крестьянских на саму же армию. Например, громадное влияние имели сибирские полки. Ну и, конечно, вставали вопросы: «А товарищи из Архангельска? А чем там волжане занимались?..». Это очень интересный вопрос. Я понимаю, что в Сибири там менталитет, «да пошли там куда подальше»... Они, конечно, явно тон задавали...

Н.Ю. Пивоваров. У меня как раз про Сибирь: небольшое выступление, посвященное сибирской кооперации в годы Первой мировой. Надо сказать, что она занимала довольно существенный сегмент региональной сибирской экономики. Достаточно упомянуть, что пайщиками кооперативов разных видов являлись около 10 млн человек. Это примерно 85–90 % населения Сибири того времени. Вообще, на территории Сибири находилось примерно 15 тыс. различных видов низовых кооперативов, что составляло четверть всех российских кооперативов.

Вместе с тем, кооперация в годы войны претерпела существенную трансформацию. До войны это был типичный институт рынка, благодаря которому либо крестьяне продавали свою продукцию на российский и даже внешний рынки (например, знаменитое сибирское масло), либо брали кредиты, чтобы совершенствовать свое хозяйство. В войну мы видим определенную «примитивизацию» кооперации. Вся кооперация превращается в «потребилровку», когда все сводится лишь к тому, чтобы получить дефицитный товар. У крестьян появляются деньги. Как за счет тех же, неоднократно упоминавшихся, продовольственных пайков, так и за счет того, что крестьянки и солдаты, чувствуя кризис, начинают продавать скот, инвентарь. И у них появляются так называемые «бешеные» деньги. Скапливаются целые сундуки этих «бешеных» денег. Некоторые из них расходуются нерационально, что-то отпускается на приданное дочери, а кто-то вообще начинает покупать то, что раньше считалось роскошью в Сибири: белый хлеб, сладости, дорогие ткани – то есть все то, что раньше было недоступно крестьянину.

Некоторые виды кредитных кооперативов перестают выдавать кредиты и ссуды, а занимаются торговлей племенным скотом или распределением товаров. В свою очередь, потребительские кооперативы из деревни активно проникают в города, где они принимают всевозможные виды: потребительские общества студентов, учащихся, детей-сирот, дам-сибирских горожанок. Апофеозом стало появление, правда уже в годы Гражданской войны, потребительского общества служащих Временного Сибирского правительства. Его

можно назвать первым прообразом советских спецраспределителей.

Кроме этого, кооперация начинает вбирать в себя общинные практики. Так, если до мировой войны не было строгого регламентирования по количеству паев и пай давал возможность больше взять товаров, то в войну мы видим, что община приказывает: одна семья – один пай, и не больше. Именно в годы войны начинают зачислять в кооперативы чуть ли не всю деревню. Даже когда руководство того или иного кооператива спрашивали: «Сколько членов состоит у вас в кооперативе?», – следовал примерно такой ответ: «Да все село. Вся деревня состоит». И, действительно, часто это было так. Товары уже распределялись не только среди членов кооперативов, но и всех жителей села. Такие вот уравнивательные тенденции стали прослеживаться в кооперации.

Еще один важный момент состоит в том, что благодаря кооперации распространяются идеи так называемого «кооперативного социализма», который, опять же, активнейшим образом выковывался в годы Первой мировой. Он активно вобрал в себя черты коммунистической идеологии. Ведущие идеологи, вожди сибирской кооперации, во многом предвосхищая заветы Ленина, говорили, что только благодаря кооперации возможно достигнуть коммунистического общества.

Завершая выступление, я еще раз хотел бы подчеркнуть, что кооперация – это лишь один из элементов постепенного окрестьянивания экономики. Безусловно, этих элементов было гораздо больше, и процесс этот был шире. Но это был наиболее яркий элемент, ставший в Сибири такой региональной спецификой.

А.В. Гордон. Я так понял, что под понятием «кооперация» соединились самые разные ее виды. Речь идет сначала о заемной кооперации, кредитно-финансовой кооперации, потом перешли на снабженческо-сбытовую кооперацию. А вот что было с производственной кооперацией?

Н.Ю. Пивоваров. Была маслодельная кооперация. Дело в том, что до войны было довольно строгое распределение обязанностей в кооперации. В Сибири существовало три вида кооперации: маслодельная, кредитная и потребительская. Так вот, в годы войны фактически происходит смешение этих функций. И маслодельная кооперация, и кредитная кооперация стали заниматься только лишь доставкой и распределением товаров. Что, впрочем, было объективно в тех условиях.

А.В. Гордон. Если говорить про коммунизм, то его теоретики прежде всего выделяли производственную кооперацию как наивысшую ее форму.

Н.Ю. Пивоваров. Нет. Это именно вожди и идеологи сибирской коллективизации обосновывали, что потребительская кооперация

является высшей формой кооперации. Что, безусловно, разнилось с традиционными коммунистическими теориями.

А.В. Гордон. Это похоже на китайскую народную коммуну.

А.А. Куренышев. Современные общественные науки (социология, история, экономика) ввели в научный оборот довольно сложную классификацию социальных групп населения, основанную на различных объективных и субъективных признаках. Помимо традиционной марксистской стратификации принимаются во внимание некоторые другие категориальные признаки: пол, возраст, временное социальное состояние, связанное с более-менее длительными общественными процессами. К последним, безусловно, можно отнести и состояние войны, несомненно оказывающим сильное воздействие на все социальные группы. Однако сколь бы ни были изошренны современные обществоведы в изобретении все новых градаций социальных групп, общество во время войны делилось на две страты: тех, кто находился на фронте, и тех, кто оставался в тылу. Естественно, между этими стратами не было китайской стены, существовали промежуточные, переходные и т.п. группы населения.

Первый тип ментальности крестьянства – ментальность собственника, производителя сельскохозяйственной продукции. «Городам хлеба не дадим», – говорили на сходах в разных частях страны крестьяне, – «потому что не хотим кормить буржуев и зарвавшихся рабочих, не дадим хлеба и армии, потому что так быстрее кончится война».

Крестьянину как воину, участнику стратегических операций, разрабатываемых где-то далеко в штабах, были присущи все те черты локальности мышления, о которых так много писалось в связи с крестьянскими восстаниями и войнами. Крестьянин, одетый в солдатскую шинель, плохо понимал, зачем нужно посягать на чужую и достаточно некачественную землю Галиции, оборонять такую же в Польше, когда своя, черноземная, лежит втуне из-за отсутствия хозяина-работника. Как вспоминал Ф.А. Степун, служивший в Сибирской дивизии, воевавшей в Галиции, ему с большим трудом удалось убедить своих солдат в необходимости продолжения войны. Он сумел доказать им, что если прекратить боевые действия, то придут немцы и отберут не только свободу, полученную в Феврале 1917 г., но и землю и другое имущество. Начатое Временным правительством наступление опровергло доводы Степуна: оно никак не вязалось в сознании крестьянина с оборонительной стратегией, якобы принятой на вооружение новой властью.

Война сформировала еще один тип крестьянской ментальности – выражаясь современным языком, боевика-повстанца. Почти стихийно демобилизовавшаяся в конце 1917 – начале 1918 гг. армия наводнила села России и Украины. На Украине в срочном порядке

начала формироваться национальная армия. В России чуть позднее – Красная армия. Однако, поскольку по милости самостийной украинской власти страна оказалась оккупированной германо-австро-венгерскими войсками, энергично вывозившими продовольствие, на ее территории не замедлило возникнуть мощное крестьянское повстанческое движение с ярко выраженной национально-освободительной направленностью.

В целом же, в России и на Украине в начале 1918 г. превалировали черно-передельческие настроения крестьянства. По меткому выражению В.М. Чернова, высказанному, правда, много позже, именно они позволили большевикам укрепить свою власть. Часть большевистского руководства стремилась к немедленному началу революционной войны. Ряд мер (внесение классовой борьбы в деревню путем создания комбедов, мобилизационные мероприятия) резко обострили взаимоотношения власти и крестьянства. Особенно это касалось своеобразной социальной страты казаков – одновременно крестьян и воинов. Наличие казачества, на наш взгляд, и предопределило сравнительно длительную Гражданскую войну. Подлило масла в огонь и стремление коммунистической власти охватить военно-коммунистическими порядками крестьянство. Недовольство крестьян вызывала не только продразверстка, но и мероприятия по внедрению плановой системы организации крестьянского производства путем создания посекомом и селкомов. В некоторых регионах последствия такой практики были умело использованы политическими противниками большевиков. Антибольшевистские силы почти одновременно, начиная с 1920 г., сделали ставку на крестьянство. П.Н. Врангель пытался привлечь на свою сторону крестьян юго-востока Украины, объявив о проведении реформы, передававшей землю в частную собственность.

И.А. Анфертьев. Уважаемые коллеги! Мне очень приятно видеть вас на «площадке» РОИА у нас в гостях. Тем более что это уже во второй раз. Мы 28 февраля этого года уже провели здесь достаточно успешно круглый стол. Пользуясь случаем, скажу: мне очень приятно видеть здесь и наших друзей из Саратова, и моих земляков из Вятки, и Архангельск, и Историко-архивный институт РГГУ и т.д.

Представляется закономерным, что на нашем круглом столе речь идет и об источниковедческом аспекте исследования затронутых проблем. Это очень важно – на источниках прояснить ответ на вопрос, почему Первая мировая война была проиграна – и это при том, что положение на фронтах накануне Февраля 1917 г. не было катастрофичным. Среди таких источников я бы хотел привести недостаточно известный, хотя уже и изданный – книга профессора Академии Генерального штаба, а затем начальника штаба Румынского

фронта генерал-лейтенанта Н.Н. Головина. Вышла она в 1939 г. в Париже и называется «Военные усилия России в Мировой войне». Я с этой книгой познакомился в 1988 г., потом в 1993 г. удалось опубликовать фрагменты этой книги в «Военно-историческом журнале». В 2003 г. эта книга у нас в стране была издана полностью.

Кто-то из вас, может быть, скажет, что это уже устаревшее исследование и т.д. К тому же, Головин не занимался напрямую исследованием крестьянства в годы войны. Но если посмотреть на его исследование с точки зрения проекции на то, что Россия была крестьянской страной, то начинают проясняться некоторые очень серьезные проблемы в проигранной войне.

В частности он пишет, что когда перешли к всеобщей воинской повинности в 1874 г., это было оправдано для России, поскольку в 1861 г. состоялась отмена крепостного права. Тогда были проанализированы результаты проигрыша Франции в войне с Германией 1870–1871 гг. и уже был сделан вывод о том, что война приобрела массовый, тотальный характер со стороны Германии: в войне с Францией участвовал весь немецкий народ. Именно поэтому Германия и победила. Переход к всеобщей воинской повинности должен способствовать тому, что предстоящая массовая война будет носить всенародный характер и именно это обеспечит России победу в войне.

Но при этом Головин пишет, что существовала масса разного рода возможностей уклониться от службы, и этот процент уклонения от службы доходил до 48 %. Что такое 48 %? Это половина мобилизационного ресурса, которая оказывалась за пределами участия в предстоящей войне. Объяснялось это не «слепотой» российской власти, хотя и эти элементы присутствовали на разных ее уровнях, – причина была экономическая. Это почти такая же ситуация, как и сегодня. Кто сегодня хочет из молодежи уклониться от службы в армии, тот найдет возможность откупиться, или заболеть, или довести себя до такого соответствующего состояния и т.д. Так вот, в конце XIX – начале XX вв. многочисленные отсрочки способствовали поддержанию крестьянского хозяйства на более или менее высоком уровне, хозяйство держалось в основном на мужике, женщины считались силой вспомогательной. И в мирное время это с экономической точки зрения было оправдано. Но вот началась мировая война. Наш главный противник – Германия – у себя тут же отменила все льготы и отсрочки по призыву, мобилизационный ресурс начал незамедлительно пополняться свежими силами, как молодыми, так и среднего возраста мужчинами, что позволяло в перспективе компенсировать фронтовые потери. А Россия, как отмечает Головин, упустила в этом отношении свой шанс: в военное время льготы продолжали существовать на законодательном уровне как и раньше, в

мирный период. И причина этого была уже не экономическая, а скорее бытовая, так как существовал на разных властных этажах миф о многолюдии России. Неслучайно после Первой мировой был сделан вывод о том, что на ней были истреблены лучшие представители России – офицеры и генералы гвардии, кадровый офицерский состав, масса рядового состава, в основном крестьян. А в целом такой неполный – назовем его так – мобилизационный ресурс не позволял надеяться на успех в длительной массовой войне на истребление.

Кроме того, те 50 % мобилизационного ресурса, основную массу которых составляли крестьяне, служившие в армии, были в запасе до 38 лет. С 21 года до 38 лет. Соответственно, те, кто за 38 лет перешагнул, тот на войну уже не шел. И это опять-таки – ослабление массовости мобилизационного ресурса. Более того, кто попал до достижения 38 лет на фронт, то ему было достаточно обидно потому, что до этого срока не хватило год, месяц, день и т.д. И он вынужден был идти на фронт. Из этого Головин делает другое наблюдение, согласно которому из тех, кто должен был идти на фронт, пользовались отсрочкой («бронью», говоря современным языком) – 16 %. Ну, это официальная цифра, которая может доходить и до 20 % при более тщательном исследовании. Что такое 20 % из числа тех, кто должен был идти на фронт, в окопы? Это один из четырех. Это тоже цифра, о многом говорящая.

Кто не шел на фронт? Крестьяне, как мы знаем, пусть далеко не все, но шли на фронт. Не шли на фронт те, кто работал на железнодорожном транспорте, на заводах (квалифицированные рабочие) и те, кто мог разными способами уклониться и получить вот эту «бронь». Ясно, что это были люди состоятельные, у кого имелись средства откупиться и пристроиться в тылу. Была и другая категория уклоняющихся от фронта, в основном из грамотного сословия, это те, кто надевал шинель и брал в руки ружье, но находился по роду службы гарантированно в тылу.

В связи с этим проясняется, почему в воспоминаниях командующего войсками Петроградского военного округа в 1917 г. П.А. Половцова упоминается такой, достаточно курьезный, случай. Видимо, большевики пустили слух: те, кому исполнилось 40 лет во время войны, имеют право уволиться в запас. И вот масса уклоняющихся с фронта фронтовиков, хрестоматийно известных «ходоков», пришли в Петроград, расселились в палаточном городке на плацу Семеновского полка (это около Витебского вокзала), встали на довольствие. И начали ходить по различным инстанциям и требовать, чтобы их, по никому неведомому закону, уволили в запас домой. Дошли до А.Ф. Керенского, и он сказал: «Разогнать и не кормить». И что вы думаете – из них уже никто не вернулся в окопы: они пошли зарабатывать извозчиками, на вокзалы носильщиками, искали и на-

ходили подруг среди кухарок и продолжали настаивать на своих требованиях. Попутно с этим шел процесс большевизации армии. А волна разложенчества, как известно, накрыла русский фронт в течение 1917 г., и фронтовики не устояли перед этим тыловым предательством. Аналогичная ситуация произошла позднее, в 1918 г. в Германии: революционная волна недовольства войной докатилась до фронтовых частей, но те в основном устояли перед искушением дезертировать и сдать страну политикам, рвущимся к власти любой ценой, в том числе и ценой поражения собственной страны в истребительной войне.

Называется примерно такая цифра: в 1917 г. 2 млн фронтовиков дезертировали. Из 11 млн фронтовиков, находившихся на фронте, 2 млн дезертировали. Миф о многолюдии России оказался не более чем мифом.

О.Г. Буховец. Несмотря на меркантильные мотивы главных держав, участвовавших в Первой мировой, западная историография и государственные деятели называют ее «Великой». А Вторую мировую, между прочим, так не называют. Спросим, почему.

Произошло это не вследствие реабилитирующей ревизии империалистических устремлений противоборствующих стран, а в результате осознания исторической самооценности ее грандиозных битв и их беспрецедентной кровавой «результативности». И на фоне сражений на Марне и Сомме, при Вердене и под Амьеном – скоротечные и несопоставимые по масштабам боевые действия на Западе в начальный период Второй мировой – представляются уже гораздо более скромными. Не меньшую роль играет и то, что в Первую мировую главным театром военных действий был Западный, тогда как во ВМВ – Восточный.

В СССР терминологическая практика касательно Первой мировой пошла по совершенно другому пути. Все 74 года существования Советской власти нормативным в отношении этой войны оставалось лишь ленинское определение ее как «империалистической» (только в годы «перестройки» начался отход от этой ленинской категоричности в трактовке войны).

Этот идеологически чрезмерно мотивированный и явно упрощенческий термин, по сути, исключал какую бы то ни было селективную работу, результатом которой могли стать, как это имело место на Западе, дифференцированные оценки природы Первой мировой войны. В частности, оценки, с одной стороны, целей, которые преследовали в ней правящие круги Российской империи, а с другой – настроений, устремлений, поведения различных слоев и групп общества, тех или иных регионов.

Ведь если говорить о последних, то, по всей очевидности, одно дело – регионы театра военных действий, другое – губернии при-

фронтовые и совсем уже третье – внутренние губернии России, отдаленные на многие сотни и тысячи километров от фронтов. В качестве примера возьмем хотя бы белорусский регион. В контексте тематики нашего круглого стола данный регион вообще очень интересен.

Во-первых, тем, что 92,5 % белорусов, согласно данным переписи 1897 г., были по сословной принадлежности крестьянами. Следовательно, не будет большим преувеличением сказать, что накануне войны «белорусы» и «крестьяне» – считай синонимы. Во-вторых, испытания, выпавшие в военную пору на долю крестьян (являвшихся одновременно и белорусами) в этом аграрном регионе Российской империи, оказались, если не самыми, то одними из самых драматичных. Уже хотя бы в силу того, что бремя присутствия огромной массы войск обеих противоборствующих сторон было здесь, как нигде больше на российско-германском и российско-австрийском фронтах, тяжелым и долговременным. Патриотический подъем в стране, наблюдавшийся в связи с вступлением в войну, захватил и белорусскую деревню. Явка мобилизованных крестьян на призывные участки была очень высокой и соответствовала общероссийским показателям. Вместе с тем, с самого начала стало заметно, что патриотические настроения селян были не столь публично выраженными и эйфоричными, как в городах или, в меньшей мере, в местечках. В деревнях такие настроения выражались определенно в более сдержанных формах.

Объяснение последнему следует искать в архетипически крестьянской осторожности, осмотрительности. Элементарный здравый смысл, передававшийся из поколения в поколение, подсказывал крестьянам, что именно им и предстоит нести все основные тяготы войны. Это значит – рисковать своими жизнями на фронте, возводить укрепления, строить и ремонтировать дороги и мосты, охранять линии связи. В частности, как сообщал гродненский губернатор, «летом 1915 г. на разных военных работах было занято все работоспособное население губернии». А в Минской и Витебской губерниях летом 1916 г. к военно-инженерным работам, строительству железных дорог и уходу за казенным скотом в принудительном порядке привлекалось соответственно почти 220 и 123 тыс. человек, в большинстве – крестьяне.

Им также предстояло смириться с периодическими реквизициями крестьянского скота, фуража и продовольствия для нужд армии. От таковых не были освобождены даже солдатские семьи. По далеко не полным данным, в феврале–апреле 1915 г. в Витебской, Минской, и Гродненской губерниях реквизировано было для нужд фронта почти 48 тыс. голов крупного рогатого скота, а летом 1916 г. в Могилевской губернии – около 15,5 тыс.

Кроме того, в сложных условиях театра военных действий им нужно было, конечно, и вести как-то хозяйство. При том что множество крестьянских дворов из-за мобилизации остались без трудоспособной рабочей силы. В 1917 г., к примеру, доля таких хозяйств в Витебской губернии составляла почти треть (32,5 %), а в Минской губернии – 30,1 %.

Суммарным результатом действия этих негативных факторов стала нарастающая деградация крестьянского хозяйства Беларуси. Она выражалась в увеличении количества безземельных, беспосевных, безлошадных и бескоровных дворов. В результате значительно уменьшились валовые сборы продовольственных и кормовых культур. По 23 неоккупированным уездам Беларуси общие валовые сборы зерна за 1913–1917 гг. сократились на 31,7 %, то есть почти на треть.

В условиях военного положения, введенного в прифронтовых губерниях, выражать свой протест в активных формах крестьянам было, конечно, затруднительно. Напомним, что в соответствии с указом Николая II от 20 июля 1914 г., территория Белоруссии оказалась в составе Двинского и Минского военных округов и все местные гражданские власти обязаны были подчиняться военному командованию. А 29 июля начальники указанных военных округов получили директиву верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича, согласно которой им надлежало «оказывать военной силой самое энергичное содействие гражданским властям, чтобы полным единением на местах военного и гражданского начальства искоренить... всякую попытку к смуте».

Но крестьянское движение в белорусской деревне давало о себе знать и в годы войны. Даже по неполной статистике, из которой, начиная с осени 1915 г., выпадают данные по оккупированным немцами Виленской и Гродненской губерниям, с конца июля 1914 г. по февраль 1917 г. произошло 202 крестьянских выступления. Самыми распространенными формами (по убывающей) были потравы земельных угодий, порубки леса, отказ от выполнения военных работ и повинностей, выступления против дороговизны, захваты помещичьей собственности и разгром имений, сопротивление полиции и властям. Реже отмечались выступления против хуторизации, отказ от уплаты податей, убийства помещиков и их служащих.

Коль крестьянское движение оставалось статистически значимым даже когда Отечество было в опасности, то не должны ли мы сделать вывод о том, что крестьянство не выдержало «тест на патриотичность»? Чтобы дать на этот вопрос более или менее взвешенный ответ, обратимся к наиболее известному явлению из анализируемого ряда – погромной волне, поднявшейся в период с 19 по 25 июля 1914 г. Она распространилась на 20 из 35-ти белорусских

уездов и жертвами ее стали около 60-ти помещичьих имений и хозяйств зажиточных крестьян.

Как известно, весть о начале войны пришла в самое неподходящее для крестьян время: уже шла уборочная. В этой ситуации крестьян особенно тревожило, во-первых, то, что мобилизация отрывала от хозяйств наиболее работоспособных мужчин. Во-вторых, одновременно с этим крестьянские хозяйства обязаны были предоставить для нужд армии лошадей, повозки, упряжь. Вместе с тем, большинство крестьян проявило отзывчивость к патриотической пропаганде, о чем свидетельствует очень высокий процент явки на призывные пункты. По Витебской губернии, к примеру, – 95 %. Однако, с другой стороны, крестьянский патриотизм определенно не был, так сказать, безусловным. Проявив отзывчивость к патриотической пропаганде, крестьяне ожидали соответствующего уважения к себе со стороны властей и имущей части населения, готовности оказать необходимую помощь их семьям, которые они вынуждены были покинуть в самое неподходящее для их хозяйства время ради выполнения патриотического долга. Поэтому проявления чиновничьей черствости и безразличия, плохая организация питания, неустроенность быта, с которыми пришлось вскоре столкнуться на призывных пунктах, повышали их готовность к различным выражениям активного протеста.

Кроме того, беспорядки, зачинщиками которых, почти во всех случаях стали именно крестьяне, происходили, как правило, в тех местностях, где существовали давние конфликты между ними и помещиками. А Белоруссия, как известно, продолжала оставаться в Российской империи одним из основных бастионов крупного помещичьего землевладения.

Так что крестьяне-погромщики в очередной раз выразили в насильственной форме несогласие с этим. В этой связи очень кстати напомнить, что на протяжении всей войны среди крестьян упорно циркулировали слухи о том, что после ее окончания вся помещичья земля будет передана им.

Нельзя также не отметить, что «горючим материалом» для возбуждения народного недовольства в начале мобилизации явились и неуклюжие действия чиновников по проведению в жизнь «сухого закона». Запрет на продажу спиртного воспринимался как мера необоснованная. Это лишь раззадорило призывников и привело к погромам винных лавок. В результате, нетрезвые погромщики потом уже нападали и на прочие торговые заведения, грабили, оказывали сопротивление полиции и войсковым патрулям. Разгромленными тогда оказались десятки винных и продовольственных магазинов и складов.

«Погромную неделю» июля 1914 г., которая затронула в той или

иной мере почти 3/5 белорусских уездов, следует, на наш взгляд, объяснить одновременным действием, четырех, как минимум, факторов. Во-первых, совпадением начала мобилизации с решающей стадией жизнедеятельности крестьянского хозяйства – уборочной. Во-вторых, возникшими сразу же после объявления мобилизации массовыми сомнениями в том, что власти и имущий класс окажут необходимую поддержку хозяйствам мобилизованных (которые составляли 45–50 % всех взрослых работоспособных мужчин). В-третьих, в связи с началом войны – актуализацией для крестьян их застарелых споров с помещиками по поводу земли и угодий. В-четвертых, неуклюжими и недальновидными действиями властей, в ходе мобилизации пытавшихся провести в жизнь «сухой закон».

Напомним, что в результате летних 1915 г. неудач российских войск, они вынуждены были оставить Польшу и в течение августа–сентября 1915 г. российско-германский фронт переместился вглубь территории Белоруссии. Это отступление российских войск вызвало большой поток беженцев из Польши, Прибалтики, западно-белорусских уездов, направлявшихся в центральные и восточные районы Белоруссии и во внутренние губернии империи. Значительная их часть – от 250 до 340 тыс. – осела в Минской, Витебской и Могилевской губерниях. В целом в годы войны одних только беженцев – уроженцев Белоруссии – было зарегистрировано от 1,13 до 1,32 млн. В действительности же беженское движение в Беларусь и из Беларуси было еще более массовым. Некоторые примеры, отображающие его масштабы, не могут не шокировать. Так, в июле 1915 г. вдоль шоссе Брест–Литовск–Москва, на одном лишь участке между Кобрином и Барановичами, сконцентрировалось до 400 тыс. (!) беженцев. Более 300 тыс. беженцев из Виленской и Гродненской губерний, направлявшихся в другие регионы страны, сосредоточилось месяцем позже в Гомельском уезде. А в сентябре того же 1915 г. на участке железной дороги между станциями Василевичи и Речица образовался гигантский затор из 58-ми поездов, в каждом из которых находилось по тысяче беженцев!

Многие из этих беженцев, выбившихся из сил от жажды, холода, непогоды, попадали по пути следования под немецкие артобстрелы и даже под авиабомбардировки (!). А вот еще более печальная страница летописи народных страданий и горя в Беларуси тех времен: в каждом из поездов с беженцами, которые прибывали в Гомель в сентябре 1915 г., обнаруживали десятки (!) трупов, которые в «путешествовали» в вагонах по несколько дней.

Думается, что в связи со 100-летием начала Первой мировой войны все эти эпические картины исхода 1915 г. не только могли бы, но и просто должны вдохновить документальный и художественный кинематограф на создание произведений, отображающих драмати-

ческие и трагические события на Восточном фронте этой войны.

После ряда контрударов российских войск, в октябре 1915 г. фронт стабилизировался по линии Двинск–Поставы–Сморгонь–Барановичи–Пинск. Практически неизменным, несмотря на кровопролитные сражения весной–летом 1916 г. и летом 1917 г., он оставался почти 2,5 года. По обе его стороны, вдоль этой линии было сосредоточено, ни мало, ни много, 2,5 млн солдат и офицеров – 1,5 млн российских и около 1 млн немецких! Не нужно обладать богатым воображением, дабы представить себе, какое давление этот «военно-антропогенный фактор» долговременного действия оказывал на среду обитания и все стороны жизни не такой уж и широкой белорусской прифронтовой полосы!

Итак, несмотря на все то новое, что появилось за последние 20 лет в освещении Первой мировой войны на Востоке, российско-германский ее фронт по-прежнему остается, если использовать меткое определение А.Т. Твардовским советско-финской войны, «незнаменитым». Накануне 100-летия начала войны инерция идеологически мотивированного, редуccionистского ленинского определения ее как «империалистической» дает о себе знать по-прежнему. Но, как это выше уже отмечалось, на Западе бесспорно империалистические цели и устремления правительств в той войне не помешали в итоге назвать ее «Великой». Это оказалось возможным благодаря тому, что на первый план вышли неимоверные жертвы, страдания и горе народов.

А на российско-германском фронте, особенно в Беларуси, все это, как свидетельствуют приведенные выше данные, имело место в огромном количестве. В яркой и мрачной художественной форме сказано об этом в авторском отступлении «Тихого Дона»: «А над макшей в крови Беларусь скорбно слезились звезды»...

Общий вывод, вытекающий из вышесказанного: Первая мировая – неделимо Великая война и для Запада, и для Востока.

А.В. Гордон. Кстати, к вопросу о том, почему на Западе Первую мировую войну называют Великой, одно мое наблюдение. Деревня на Марне, где в 1914 г. и в 1917–1918 гг. решалась судьба Франции. Более 1 000 дворов, ныне большей частью заброшенных. А на околице каменная стена с выбитыми фамилиями крестьян деревни с надписью «Погиб за Францию»: 1914–1918 – больше 300 фамилий, 1939–1945 – меньше 30-ти...

Д.И. Люкшин. Парадокс маленького человека на Великой войне – вот, собственно говоря, вопрос сегодняшней дискуссии.

Ответ на него прост: с войны не возвращаются. Даже если удастся вернуть живое тело, душа остается там, где смерть ходила рядом. Извечная притягательность Танатоса, описанная З. Фрейдом, художественно раскрытая Э. Ремарком и повторенная Ю. Бондаревым.

Спору нет, для ветеранов дело обстоит именно так. Правда, размеры войны значения не имеют, поэтому априори можно предположить, что если клинически фиксируются афганские, вьетнамские, чеченские и т.п. синдромы, то избежать синдромов Великой Первой мировой или Второй мировой точно уж нельзя. Но не все солдаты попадают на фронт... И поговорка «Кому война – кому мать родна» не про героев сложена. В этом смысле милитаризация российского социума в Первую мировую не имела аналогов: 15 млн призывников – это уровень Великой Отечественной, которая началась с двухкратного уничтожения Красной армии. В 1914–1917 гг. стране было не нужно столько оторванных от дела мужиков. Избыток резервистов уничтожил русскую армию вернее немецких пулеметов. Сталинское руководство такой ошибки не совершило, всеми силами препятствуя милитаризации тыла и удерживая численность действующей армии в разумных пределах, что позволяло более или менее эффективно контролировать деятельность вооруженных сил. В этом одно из ключевых отличий двух войн, однако в актуальной традиции векового юбилея «забытой» в общем-то в нашей стране Первой мировой войны трендом оказывается применение лекал и шаблонов Второй мировой: подвиги, жертвы, генералы, ордена... За этой фактурой теряется смысл войны, ее квинтэссенция как гуманитарной катастрофы, поскольку в Первую мировую России не было нужды защищать границы, эта война не была Отечественной и так ею и не стала.

Когда война становится мировой, число индивидуальных трагедий возрастает, оказывая давление на всю общественную структуру, последствия которого иной раз оказываются непредсказуемыми. Именно в этом смысле на Западе принято именовать Первую мировую «Великой»: она изменила Европу, поставив под сомнение сразу все ценности просвещенного общества, составлявшие основу англоцентричного мира. В отечественной исторической науке этот устоявшийся историографический термин не особо приживается, хотя и используется временами в качестве синонима и для украшения текста. Не приживается потому, что сама война фатальных последствий для общества не имела. Чрезмерный призыв, волны беженцев и пленных, обрушившиеся на деревню, существенно изменили аграрный пейзаж России и мировоззрение крестьянства, однако в районах, непосредственно не попавших в зону боевых действий, симбиоз имперских и общинных структур в целом не был нарушен (хотя и подвергся серьезной деформации). Масштабное строительство, развитие промышленности и транспортной сети, мутация тендерного баланса нигде не достигли критических значений. В этом смысле российская деревня продемонстрировала свою гибкость, а система моральной экономики – жизнеспособность.

Решительные изменения начались после отстранения Николая

II, когда квазилиберальная риторика новых лидеров способствовала формированию демобилизационных настроений и утверждению пацифизма. Размахивая «картонным мечом», Временное правительство само запустило механизм общинной революции, которая и стала действительной причиной краха русской армии и банкротства государственности. Запоздалые попытки государственных и общественных структур восстановить контроль над торжествующей деревней вызывали лишь раздражение и саботаж. Совпав по времени, массовое дезертирство, отлынивание отпускников и кризис администрации обернулись «черным переделом», руководство которым приняли на себя вернувшиеся домой «хозяева». Эта смена трендов, произошедшая между началом и осенью 1917 г. и получившая в историографии название «общинной революции», и опознается коллегами (в частности, О.А. Суховой и Т.И. Трошиной) в качестве «сначала резкого разрыва внутренних социальных контактов, а потом «вновь» восстановления их «в очень жесткой структуре». Трошина видит здесь архаизацию, хотя обычно говорят об общинной революции, которая не вписывается в маятник «традиция – инновация», сформулированный сторонниками цивилизационного подхода, поскольку представляет собой взыскуемый А.В. Гордоном «переход на какую-то другую стадию, в какую-то другую жизненную сферу».

Поэтому, говоря о российском мужике как о нашем «маленьком человеке», едва ли стоит переоценивать ужасы Первой мировой для окопавшихся на тыловых складах и в запасных полках селян: как показала практика, к 1917 г. они вовсе не устали от войны, а только размялись, изготавливаясь к серьезным схваткам за землю и волю. Гуманитарная проблема войны – вопрос о том, как человек приспособляется, выживает, какую цену платит за это. Это – индивидуальная стратегия. Она оказывается в некотором соотношении со стратегией государства. Во время войны согласовать интересы сторон намного сложнее: включившее мобилизационный ресурс государство уже назвало себя Родиной и требует именно что жертв, в то время как индивидуальная мотивация отвергает жертвенный сценарий, тушуя его ура-патриотизмом или избыточным оптимизмом.

В России же обычная в таких случаях фрустрация индивидуальных сценариев был подменена демобилизацией государства, вне сферы действия которого социум немедленно принял привычный для себя крестьянский вид.

А.В. Костров. Очень важным моментом является озвученная в нескольких выступлениях неоднородность российского крестьянства. Она была вызвана региональной спецификой.

Например, если крестьянство Беларуси в своем полном составе испытывало все тяготы фронтового и прифронтового положения, то

крестьянство тыловых губерний испытывало их только призванной частью мужского населения. Соответственно, для белорусских крестьян военный шок, серьезно деформирующий сознание всех половозрастных групп, пришел с войной. А на крестьян, оказавшихся в глубоком тылу, далекая война оказывала меньшее влияние, и в основном через отсутствие или возвращение призванных. Гораздо большее влияние на изменение мировоззрения и жизни крестьян нефронтовых губерний окажут интервенция и Гражданская война, линия фронта которой в той или иной мере распространится на всю страну. Подобный локальный охват национальной территории военными действиями Первой мировой привел еще и к тому, что воевала армия как государственная структура, а не общество. Это стало одной из причин того, что эта война не стала Отечественной.

Также в разных регионах играло определенную роль этническое измерение сельского общества. Например, сибирские инородцы до 1916 г. не служили в армии. Когда же начался призыв, то в их среде стали расти антиправительственные настроения.

Другим немаловажным аспектом являлось конфессиональное измерение крестьянства. Представительной частью крестьянства многих регионов были старообрядцы. Для этой группы были характерны и традиционный патриотизм, и разноуровневая оппозиционность имперской администрации. Кроме того, у части старообрядцев война обострила эсхатологические ожидания, которые, согласно их доктрине, позволяли отменить вынужденные обязательства крестьянского мира перед государством. В той же Сибири в 1917 г. отмечался массовый переход единоверцев в старообрядчество. Про эти факторы тоже нельзя забывать.

В окопах происходила болезненная мировоззренческая революция мужской части крестьянства. Картина мира, покоящаяся на аграрном традиционализме и на традиционализме, культивируемом государственной церковью, деформировалась под долговременным натиском беспрецедентных до того реалий мировой войны. Это было массовое силовое включение этноориентированных крестьян в Универсум.

Шок от военного столкновения с индустриальным миром привел и к отрицанию своего государства (которое теперь уже казалось устаревшим), и к отрицанию основ того мира, с которым происходило столкновение. Отсюда и поиск альтернативы, которой стали социалистические программы модернизации. За них и проголосовала подавляющая часть электората на выборах в Учредительное собрание.

И.А. Кузнецов. Хотел бы затронуть экономический аспект темы. Перед войной Россия в целом, и деревня в частности, эволюционировали в сторону рынка и права. Это была естественная эволюция,

повторявшая, в сущности, путь, по которому шли и западные страны. Община теряла власть над личностью и хозяйством крестьянина. Медленно, но в деревенскую среду проникали цивилизованные правовые отношения, нормы писаного закона, право собственности, в том числе на землю. Хозяйства под воздействием рынка дифференцировались. Выделялся слой тех, кто входил в рынок и интенсифицировался, осваивал новые агротехнологии, новые отрасли сельского хозяйства, переработку и т.д. Те, кто этого не делал, либо оставались в сфере сельхозпроизводства, сохраняя натурально-потребительский строй хозяйства с традиционной технологией, либо превращались в наемных сельхозрабочих, либо выбывали из аграрной сферы, выходя на рынок с другой стороны, в качестве потребителей сельхозпродукции. Эти процессы шли постепенно, молекулярно, во многом не осознавались самими крестьянами. Дифференциация имела ярко выраженный региональный аспект.

Рыночная трансформация шла более активно и успешно в регионах экспортно-ориентированного зернового хозяйства (юг, юго-восток), и регионах интенсивного многоотраслевого хозяйства (Прибалтика, юго-западные, столичные губернии). Наряду с традиционными фигурами деревни (крестьянами и помещиками) появлялся новый слой – разного рода предприниматели в сфере сельхозпроизводства (фермеры).

Были и большие проблемные регионы, прежде всего губернии Центрального Черноземья, страдавшие от аграрного перенаселения. Экономическая подоплека этой проблемы видится в том, что крестьянское зерновое производство утрачивало конкурентоспособность по мере развития предпринимательского зернового производства на «югах». Вопрос нуждается в изучении, но, по-видимому, распашка степных черноземов, прогресс техники, распространение машин и новых орудий с рубежа XIX–XX вв. создавали такой рост производительности труда и такое снижение себестоимости зерна, что зерно крестьян более северных регионов становилось объективно слишком дорогим, а их хозяйство нерентабельным. В принципе, такие хозяйства должны были либо диверсифицироваться, переключаясь с зерна на другие продукты, либо банкротиться и уходить. Во втором случае на их земле появилось бы крупное хозяйство, которое имело возможность привлечь капитал и развить конкурентоспособное производство. Оба варианта перестройки фактически и шли, но медленно. Крестьянское хозяйство еще держалось, и в основном держалось зерном, не только в силу «невежества» или «традиций», но потому что а) не было достаточного спроса на иные продукты, и б) город не поглощал избыток населения. Вынужденное сохранение натурального зернового хозяйства в условиях прогрессирующего рынка продуцировало аграрное перенаселение. Опыт западных

стран показывает, что аграрное перенаселение лечится в ходе эволюционного развития, но при неблагоприятных исторических обстоятельствах может сдетонировать социальный взрыв.

Первая мировая сломала траекторию экономической эволюции России. Был подорван рынок, началась натурализация экономики. Внешний рынок, служивший драйвером роста (экспорт зерна, импорт техники и удобрений), практически исчез. Рыночный, протофермерский сектор сдулся вместе с рынком. На авансцену вышло традиционное крестьянство. Актуализировались народнические, кооперативные идеи, идеи централизованного распределения продуктов, что неслучайно. Связь между натурализацией и социализацией в разное время отмечали многие теоретики социализма. Неудивительно, что в итоге российской революции у власти утвердилась радикальная социалистическая партия.

Социализм на практике (коллективизация) обернулся катастрофой для крестьянства. Но если коллективизация не вытекала из закономерностей аграрной эволюции и не отвечала интересам большинства крестьян, мечтавших об индивидуальном хозяйстве, как она оказалась возможна в крестьянской стране? Думается, государственное принуждение оказалось эффективным потому, что политическая и правовая культура крестьян не создавала ему препятствий. В крестьянской среде не успели укорениться «буржуазные» понятия права, собственности и отсутствовали институты защиты права – эти естественные сдержки произвола властей. Кроме того, антирыночная большевистская политика нашла поддержку в том слое экономически бесперспективных крестьянских хозяйств, о котором шла речь выше. Рассматривать же социалистический проект как реализацию неких народных чаяний, полагаю, нет оснований.

А.В. Михайлюк. Существует мнение, что в Первую мировую положение крестьян ухудшилось. С началом войны и прекращением вывоза произошло резкое падение цен на хлеб, остро появилась проблема сбыта продовольственных крестьянских продуктов, усилилась их конкуренция на внутреннем рынке с помещичьими. Из-за отсутствия мужской рабочей силы производственная жизнь замедлялась, размеры хозяйства сокращались, количество скота уменьшалось. В то же время, при сокращении прибыли крестьянского бюджета росли его расходы. Увеличивались госналоги, значительно выросли земские и городские сборы, натуральные повинности и т.п.

Но вопрос о том, насколько тяжелее стала жизнь в селе, остается неясным.

Высказывалось, например, мнение, что Первая мировая вообще мало нарушила течение крестьянской жизни: привыкнув к трезвому образу жизни, воспользовавшись временно высокими ценами на хлеб, используя систему помощи семьям, лишившихся рабочих

рук, расширив систему «помочей» и избавившись от беспокойного элемента, деревня увеличила денежные накопления (с этим частично связана и инфляция), расширила посевы и увеличила количество скота. Крестьяне получили помощи семьям военнослужащих в первый год войны 340 млн руб., во второй – 585 млн. Реализация урожая в 1914 г. была осуществлена с большой выгодой для производителей, цены на хлеб значительно выросли. Денежные расходы крестьян во время войны уменьшились на 40 %, а денежный доход увеличился в среднем на 45 %. Война стала своеобразным способом решения вопроса аграрного перенаселения. Невзирая на отход в армию значительного количества мужчин, потребление крестьян не только не уменьшилось, а даже возросло. Повышенный спрос крестьяне проявляли на сахар, конфеты, муку высшего сорта, ткань и т.п. В общественном мнении возник тезис о непомерном обогащении крестьян, в результате чего якобы происходит перераспределение национальной прибыли в их пользу. Мнение об обогащении села распространялось в среде городских потребителей и отражало неудовлетворение ростом цен на продукты питания. Существование такого общественного мнения во многом определяло как отношение городских жителей к крестьянам, так и политику различных политических сил и властей, сменявших друг друга в ходе войны и революции, относительно крестьянства.

Прекращение продажи алкоголя, отход на войну части населения положительно отразились на жизни деревни: выросли сбережения, снизилась преступность, уменьшилось количество грабежей, хулиганства, драк, пожаров и т.п. На селе не только снизилась преступность, но и уменьшилось количество социальных конфликтов. Главы семейств стали активно участвовать в сельских сходах и больше не позволяли кулакам манипулировать ими с помощью алкоголя. В церковных изданиях отмечают изменения в приходской жизни: отрезвев, народ стал более набожным.

Другие авторы считают, что говорить о каком-то обогащении крестьянства во время Первой мировой не приходится, разговоры о благополучии села, в лучшем случае, – результат поверхностного знакомства с действительным положением и непонимания процессов расслоения села, усилившихся в результате войны. Рост крестьянского потребления свидетельствовал скорее не о росте крестьянского хозяйства, а о его застое. В действительности крестьянство совершенно обносилось, отказалось от строительства, не делало ремонт, не покупало телеги и сани, бороны и плуги, вилы, грабли, гвозди и подковы. Подорожание продуктов отразилось на сельской бедноте, которая всегда прикупала хлеб. Многие продавали скот, потому что без работников, призванных на фронт, не управлялись с хозяйством. В селе завелись деньги не потому, что оно богатело, а

потому, что оно разорялось.

Война усилила социальную дифференциацию среди крестьянства. Отдельные категории крестьян воспользовались продовольственными трудностями. Это касается прежде всего зажиточного слоя. Расширяли посевы, увеличивали аренду, скупали землю зажиточные крестьянские хозяйства. Отрубник «сильно раздулся, подняв свое кулацкое хозяйство». Бедные хозяйства, напротив, отказывались от аренды: из-за недостатка рабочих рук и инвентаря не могли обрабатывать даже собственные наделные и купленные земли, которые сдавали в аренду односельчанам. Солдатки с детьми часто вынуждены были жить на паек и запускали собственное хозяйство, распродавали живой и мертвый инвентарь. Были случаи, когда они испытывали притеснения от односельчан и даже родственников. Увеличилось количество беспосевных хозяйств, возросла эмиграция из села.

Крестьянам было выгодно придерживать хлеб через его постоянное подорожание. Они продавали свой хлеб «лишь в меру своих безотлагательных потребностей». Уже осенью 1914 г. чувствовался недостаточный подвоз хлебов на рынки. При слабом развитии потребностей, крестьянин в большей степени удовлетворяется продуктами своего натурального хозяйства, его трудно вызывать на обмен своих запасов дорожающего зерна на ненужные ему в настоящий момент деньги. Эта проблема была связана с недоразвитостью экономических отношений. Реальный спрос несколько повысился, а предложение упало, и это соотношение спроса и предложения, а также внутреннее обесценение денег и привели к росту цен на хлеб, которое, начавшись на потребительском рынке, быстро передалось и на рынок производственный. В то время как город чувствовал растущую недостачу хлеба, в селе накапливались хлебные избытки. Столкнувшись с недостатком продовольствия, царское правительство вынуждено было ввести твердые цены, внедрить продрозверстку. Но одно лишь объявление продрозверстки вызывало у крестьян обратную реакцию: они усиленно распродавали хлеб за повышенные цены.

Помещичье землевладение на протяжении всего пореформенного периода постоянно сокращалось, особенно во время войны. Исследователями делается предположение, что большая часть земельного фонда в Российской империи оказалась в руках крестьян задолго до свержения самодержавия. Рыночные условия способствовали интенсивному развитию сельского хозяйства, то есть возделыванию большей площади при минимальной затрате живого труда на единицу выработанного продукта. Вследствие этого огромное количество рабочих рук, поставляемых сельским населением, оставались невостребованным. С другой стороны, аграрное перенаселение было необходимым условием существования крупных сельскохозяйствен-

ных предприятий капиталистического типа. Их рентабельность в значительной мере базировалась на дешевизне рабочей силы. Когда же в условиях войны избыток рабочей силы сократился, помещичьи хозяйства переживали значительные трудности и приходили в расстройство.

В обстановке недостатка промтоваров, ухудшения работы транспорта и краха финансовой системы разорвались и без того непрочные нити экономических отношений между капиталистическим городом и традиционалистским селом. В сущности, как отмечает В.П. Булдаков, все новейшие беды России связаны с тем, что ее социокультурное распадение на «город» и «деревню» стало болезненно заметным на бытовом уровне. Этот фактор особенно остро проявил себя в связи с усилением маргинализации традиционных социумов.

Именно слабые стороны и отсталость сельского хозяйства придали ему сопротивляемость вредным последствиям мировой войны. Влияние ее на крестьянство нельзя трактовать однозначно: одним она несла разорение, другим способствовала в нагромождении богатств.

Кратко дам и свои ответы на предложенные три «центральные» вопроса круглого стола.

Первый. Как повлияло сознание русского крестьянства на ход и исход Первой мировой и как она повлияла на сознание и судьбу крестьянства в России?.. – На мой взгляд, сознание крестьянства мало повлияло на ход и исход войны. Последние в значительно большей степени определялись факторами политическими, экономическими, международными и чисто военными. Напротив, война значительно повлияла на сознание и судьбы крестьянства: она резко нарушила обычное течение хозяйственной жизни, постепенность, ритм, присущий крестьянской культуре, надолго выбросила массу крестьян из привычной обстановки, традиционного способа жизнедеятельности, видоизменила менталитет и коллективную психологию крестьянства. Она вызывала продовольственный кризис, который революционизировал массы, заострил противоречия между городом и деревней...

Второй. Как в контексте традиционных ценностей и социальной утопии крестьянской России можно оценить политику царского режима, Временного правительства, основных политических партий и Советской власти в условиях Первой мировой войны?.. – Аграрный строй Российской империи (существование многомиллионного крестьянства, в значительной степени обособленного от «городской цивилизации», сохранившего докапиталистические формы общности и собственности, специфическую ментальность, элементы обычного права и т.п.) обусловил своеобразие революционных про-

цессов. В ходе войны и революции происходили антимодернизационные процессы. Крестьянство стремилось к локализму, слову любой власти выше местного уровня, натурализации хозяйства и т.п., что объективно вело к архаизации общественной жизни и было несовместимо с любой государственностью. Все это делало стремления и действия крестьянства несовместимыми с политикой практически всех государственно-политических образований. Все партии и правительства того времени были носителями идеи модернизации – в том или ином виде. Политика всех партий и правительств по отношению к крестьянству, независимо от лозунгов, по существу, мало чем отличалась и вынуждена была строиться на насилии. Вызвано это было не столько идеологическими установками, сколько общим состоянием сельского хозяйства и экономики в целом. Крестьянство являлось «силой колебания» (В.И. Ленин), оказывавшей «подспудное» влияние на весь ход революции и Гражданской войны. Патриархальность и коллективистское сознание крестьянства, его реакция на попытки ускоренной модернизации, стремление освободиться от чужого ему культурного слоя и т.п., в конечном итоге определили результаты революции. При этом социалистические идеи накладывались на традиционные представления, традиция выступала как революционный фактор.

Третий. Была ли для русского крестьянства Первая мировая «Отечественной» войной? Есть ли разница в том, как крестьяне России воспринимали Первую и Вторую мировые войны?.. – На мой взгляд, Первая мировая не стала для крестьян «Отечественной». Они могли относиться к ней с определенным сочувствием, она могла вызывать патриотический подъем, но в целом крестьяне относились к войне как к некоей повинности, внешней и далекой от их интересов.

В.Г. Хорос. Прекрасным материалом к теме «Война и крестьянство» могут служить дневники замечательного русского писателя М.М. Пришвина (1873 – 1954). Свои дневники он вел в течение полувека, при этом по большей части живя в деревне. Большое значение для нашей темы имеют его записи периода Первой мировой, особенно 1917 г.

Пришвин, как и многие представители культуры Серебряного века, фиксирует в это время надвигающиеся признаки беды в обществе, в том числе в деревне. Его тревожит, «как легко простой народ расстается с религией». Весной 1917 г. он приезжает на свою родину в местечко Хрущево близ г. Ельца и застаёт тамошних крестьян в состоянии глубокого раздора и растущей агрессии. Он чувствует себя «не в народе, а в глубоком овраге», где «каждый овражий человек видит один только свой овраг». Две соседние деревни перессорились между собой в борьбе за захват небольшого имения (не помещичьего типа), доставшегося писателю от матери. Идет процесс

повсеместного захватничества, междоусобного дележа.

Пришвин понимает, что истоки этого процесса уходят в далекое прошлое, в крепостную эпоху, породившую вековую ненависть к «барам» и «богатым». Но этот всеобщий «черный передел» выливается в деструктивные формы (далекие от социализма, которые связывали с «черным переделом» народнически настроенные идеологи), в акции, вредные не только с социальной, но и просто с хозяйственной точки зрения, когда без нужды дробятся земельные участки, даже ценные – например, клеверные поля в культурных угодьях. При этом грабят не только «богатых», но «друг друга еще больше».

Пришвин видит связь всех этих эксцессов с продолжающейся войной. «Немец и война обращаются вовнутрь, война гражданская», – записывает он 20 мая 1917 г. И позже: «От немца-германца перешли к немцу внутреннему – царю, помещику, капиталисту, теперь переходят к соседу, у которого не одна, а две лошади...» Атмосфера войны распространяется как пожар – она порождает смуту, революцию, гражданскую конфронтацию, когда «восстал брат на брата».

Пришвин пытается определить субъектов этого процесса – зачинателей, распространителей, носителей общественной смуты. Это, прежде всего, бедняки, социальные низы. Немалая роль принадлежит также уголовным элементам. Наконец, зачинщиками являются различного рода активисты и агитаторы, среди которых выделялись большевики, которых писатель также воспринимал как маргиналов.

Пришвин записывал свои впечатления, что называется «по свежу», понимая историческую значимость происходящего и стараясь не упустить важных деталей. Позднее он не раз возвращался к виденному и слышанному в те годы. Вместе с тем, он не ставил перед собой задачу социологически или политически обобщить свои наблюдения. Однако его дневники разворачивают выразительную картину пережитого времени и дают материал для выводов историка или социолога.

Более 20-ти лет назад, занимаясь историей России, в частности, историей революционного движения, я попытался зафиксировать и объяснить феномен, который я назвал «социокультурным люмпенством». И когда много позже я познакомился с дневниками Пришвина, то был сильно впечатлен, насколько точно в них описано то, что я характеризовал как люмпенское сознание.

Под люмпенами социологи обычно понимают деклассированных элементов – бедняков, нищих, бомжей и прочих. На мой взгляд, важно видеть также культурную (точнее, бескультурную) составляющую люмпенства. Этот слой возникал как результат культурного «обескоренения», выпадения из существующей системы ценностей, классовых, сословных или групповых структур, которые давали индивиду не только какой-то социальный статус, но и определенную

культурную ориентацию, стереотипы поведения. Процессы люмпенизации могут проходить в разные исторические эпохи, когда возникают те или иные катаклизмы и деструкции (нашествия, войны, длительные внутренние раздоры), провоцирующие серьезные и масштабные общественные смуты. Частным случаем здесь может быть процесс модернизации, когда для отдельных слоев населения характерна утрата прежних ценностей традиционного общества, но новые буржуазные ценности еще не успели утвердиться.

В этом плане то, что описывал Пришвин в 1914–1917 гг., имело свою предысторию – процессы «раскрестьянивания» после реформы 1861 г., «босокачество», так выразительно описанное А.М. Горьким, то есть издержки так называемой исторически запоздалой модернизации, которая имела место в России и ряде других стран. Революционные события, тяготы войн начала XX в. (особенно Первой мировой) многократно усугубили процессы социального распада и люмпенизации, вылились в Гражданскую войну. Все это наложило серьезный отпечаток и на последующие эпохи российской истории.

В.В. Кондрашин В рамках международного проекта «Документальная история Пензенского края» и в связи со 100-летием Первой мировой войны под моей редакцией опубликован сборник документов и материалов в 2-х книгах «Пензенская губерния в годы Первой мировой войны, 1914 – март 1918», общим объемом более 100 п.л.

Представленные в нем документы региональных и центральных архивов, а также материалы документальной и художественной прозы позволяют на примере Пензенской губернии увидеть жизнь российской деревни в этот период. Поскольку Пензенская губерния являлась типичным аграрным регионом Европейской России, то происходившие там в годы войны процессы во многом совпадали с аналогичными им за ее пределами, по крайней мере в Центральном Черноземном районе и Поволжье.

Документы и материалы сборника убедительно свидетельствуют, что война стала моментом истины для сложившегося в России аграрного строя. Она катализировала в, казалось, уже умиротворенной столыпинской реформой деревне процессы, вылившиеся в 1917 г. в крестьянскую революцию, которая ниспровергла этот строй и помогла утвердиться в России новому политическому режиму.

В данном контексте плачевный для самодержавия итог его многолетних усилий по превращению русского крестьянина в опору режима, а сельского хозяйства – в надежный источник государственного развития, контрастирует с успехом сталинского режима в годы Второй мировой, сумевшего при всех негативных сторонах и издержках его аграрной политики достигнуть указанной цели.

Введенные в широкий научный оборот документы сборника, в большинстве своем ранее не известные исследователям, подтверди-

ли, дополнили и конкретизировали суждения по данной проблеме одного из крупнейших историков-аграрников России – А.М. Анфимова. Тем самым они в очередной раз доказали выдающийся вклад в изучение аграрной истории России поколения советских историков-шестидесятников (В.П. Данилова, Л.В. Милова, Н.Я. Гущина, И.Е. Зеленина, Н.А. Ивницкого и других), к числу которых принадлежал и Анфимов.

Изученные документы свидетельствуют, что людской и производственный потенциал деревни не был подготовлен для затяжной войны с точки зрения сохранения уровня сельскохозяйственного производства и приемлемого уровня жизни основной массы сельского населения.

В 1914–1915 гг. относительное спокойствие в деревне было обеспечено за счет хорошего урожая, в силу благоприятных климатических условий. Кроме того, семьи фронтовиков получили помощь в уборке урожая от государства, церкви и общественных организаций.

Но уже в 1915 г. стало проявляться негативное влияние войны на деревню (в нехватке рабочих рук, росте цен на предметы первой необходимости и т.д.). Особое недовольство крестьян вызвали госзакупки хлеба и скота из-за низких закупочных цен.

В 1916 г. перечисленные негативные тенденции усиливаются. Для большинства крестьянских семей главной проблемой становится нехватка рабочих рук. К этому времени пензенская деревня лишилась 48 % трудоспособных мужчин, ушедших на фронт. Крупные частные хозяйства помещиков и кулаков частично решили эту проблему за счет использования труда военнопленных. Но такой возможности были лишены семьи фронтовиков и солдатские вдовы. В результате многие из них (особенно вдовы) попали в кабалу к богатому соседу-кулаку.

В 1916 г. из-за растущего дефицита хлеба и мяса на фронте и в крупных городах на деревню резко усиливается налоговый пресс. У неплательщиков забирают излишки хлеба, скот (в том числе коров). Особенно страдают семьи фронтовиков и вдовы.

К 1917 г. в пензенской деревне уже созрел очаг недовольства. Она устала от войны. Ее людские силы и производственный потенциал были ослаблены. Беднейшие слои голодали. При этом на их фоне сохраняли свои показатели крупные частные хозяйства и кулаки.

Февральская революция 1917 г. взорвала деревню. Свержение самодержавия было воспринято подавляющим большинством крестьян как сигнал к окончанию войны и решению земельного вопроса. Ситуацию разогрели и многочисленные революционные агитаторы, получившие возможность легально работать в деревне.

В результате в апреле–мае 1917 г. в Пензенской губернии состоялись два губернских крестьянских съезда, постановивших ликви-

дировать частную собственность на землю и провести в губернии «черный передел» всех земель сельскохозяйственного назначения по «трудовой норме».

Решения съездов воспринялись в деревне как сигнал к законному захвату земли. И они начались – и продолжались в губернии весь 1917 г. Поделаться с ними власть ничего не могла, поскольку не имела для этого сил. Вся сила была у крестьян, которые опирались не только на свою активность, но и на поддержку солдат Пензенского гарнизона, в большинстве своем состоявших из крестьян. А это была единственная реальная сила в губернии, способная остановить крестьянскую стихию.

В 1917 г. жертвами крестьянской революции стали не только дворяне-помещики, но и «столыпинские крестьяне». Земли хуторян и отрубщиков были захвачены, хозяйства разорены, несмотря на их протесты и попытки к сопротивлению. Оправдывались эти акты корыстным поведением «столыпинских крестьян», сохранивших в годы войны свои хозяйства, в то время как тысячи их односельчан, семейств фронтовиков, обнищали и работали на них. Таков был итог Столыпинской аграрной реформы в пензенской деревне.

Мощным катализатором «аграрных беспорядков» в 1917 г. в губернии стали солдаты- и матросы-фронтовики. Именно они придали им особый размах и бескомпромиссность. Они вернулись с войны с оружием. Важнейшим мотивом решительных действий фронтовиков против помещиков и зажиточных крестьян было осознание постигшей их семьи несправедливости. Они воевали, а семьи голодали и гнули спину на богатого соседа, который нередко (к тому же вместе с сыновьями), откупался от мобилизации. Кроме того, сама война изменила их психику. Отсюда многочисленные случаи физического насилия над жертвами крестьянского гнева и даже их убийства.

К осени 1917 г. пензенская деревня фактически перестала выполнять государственные повинности. Были сорваны закупки хлеба и скота для нужд армии, поставки продуктов для городского населения губернии. У губернской власти, подчинявшейся Временному правительству, не было сил изменить ситуацию. Милиция была малочисленна, солдаты распропагандированы и революционизированы.

Крестьянскую вольницу всячески стимулировали большевики, сосредоточенные в Пензенском Совете солдатских и офицерских депутатов. Они приветствовали крестьянские самозахваты. Поставив под контроль воинские соединения, дислоцированные на территории губернии, они не допустили вооруженного подавления «аграрных беспорядков». В самой деревне их представители активно участвовали в них и нередко организовывали. Их поддержка сол-

датами и крестьянами основывалась на лозунгах большевиков о медленном мире и передаче земли крестьянам. В условиях слабости власти никакие призывы к законности, Учредительному собранию и т.п. уже не действовали на крестьян.

Таким образом, в 1917 г. в пензенской деревне произошла аграрно-крестьянская общинная революция. Крестьяне захватили частновладельческие земли, установили в деревне свою власть в лице крестьянских комитетов. В условиях нараставшего продовольственного кризиса и голода в стране они прекратили выполнение государственных повинностей. В деревню вернулись солдаты. Они делили захваченную землю и жили по законам «новой России».

Но это была «пиррова победа» пензенской деревни. И события 1918 г., и Гражданская война свидетельствуют об этом. Пензенской деревне, как и всей российской, придется заплатить большую цену за 1917 г. и торжество их общинных идеалов.

В.В. Шелохаев. Уважаемые коллеги! Подводя некоторые итоги работы нашего «круглого стола», начну с восторженных слов в адрес П.П. Марченя и С.Ю. Разина, которые в течение пяти лет делали и продолжают делать важное дело для исторической науки. Им никто не помогает – и это, как ни парадоксально, очень хорошо. Когда никто «не помогает», тогда все хорошо получается.

Во-вторых, сегодняшнее мероприятие хорошо вписывается в общий контекст мероприятий, которые содержатся в плане организационной комиссии по проведению 100-летия Первой мировой войны. Достаточно сказать, что только в рамках РГНФ будет опубликовано 11 крупных проектов по войне. В издательстве «Политическая энциклопедия» подготовлена трехтомная энциклопедия «Россия в годы Первой мировой войны». Некоторые участники сегодняшнего мероприятия принимали то или иное участие в реализации этого крупномасштабного научного проекта.

Повторюсь, что сегодняшний круглый стол не только дополняет, но и является как бы структурной частью этих крупных мероприятий. Его материалы призваны существенно расширить представления о роли русского крестьянства в Первой мировой войне.

В-третьих, я всецело поддерживаю идеи А.В. Гордона, которые, хотя и сформулированы лапидарно, тем не менее, позволяют по новому подойти к пониманию тех существенных изменений, которые произошли в сознании русского крестьянства. Действительно, любые войны, а тем более войны «машинные», не могли не оказать огромного влияния на трансформацию массового крестьянского сознания. С одной стороны, мы наблюдаем процесс разрушения традиционного сознания. А с другой стороны, активизируется процесс формирования новых ценностных ориентаций. В докладах эти две тенденции получили свое отражение. Одни докладчики делали упор

на традиционализм и даже, в какой-то мере, на его усиление после войны. В других докладах, наоборот, был сделан акцент на новые тенденции в массовом крестьянском сознании.

В-четвертых, большое внимание в докладах было уделено изменениям в социальной структуре крестьянства. Меняются ролевые функции отдельных групп крестьянского населения. Это очень важный момент, отмеченный во многих выступлениях, является отражением современных размышлений по этому вопросу.

В-пятых, в докладах на значительном круге архивных источников, извлеченных из центральных и региональных архивов, убедительно раскрыт процесс изменения материального положения отдельных групп крестьянства. Обращено внимание на то, как именно изменялось морально-нравственное, этическое и психологическое состояние крестьянского населения.

В-шестых, в ряде докладов было обращено внимание на тот непреложный факт, что война изменила порог цены человеческой жизни. К сожалению, этот порог в результате Первой мировой оказался пониженным, о чем свидетельствуют последующие события. Эта тенденцию А.В. Гордон охарактеризовал понятием «катастрофичность». Поэтому, мне кажется, стоит продолжить размышления по этой проблеме.

В заключение небольшое замечание. «Круглый стол», а по сути большая научная конференция, называется «Русское крестьянство и Первая мировая война». Я бы несколько изменил его название: «Первая мировая война и российское крестьянство». Неслучайно во многих докладах речь шла о крестьянах разных национальностей, населяющих полинациональную Российскую империю, в частности о немецких колонистах. В том же Поволжье, о котором говорилось во многих докладах, перемежалось русское село с селом мордовским или татарским...

И, наконец, последнее замечание. В историографии продолжает существовать мнение, что Первая мировая война якобы способствовала возврату крестьянства к традиционным ценностям. Мне кажется, что это явное преувеличение, ибо возвратных моментов к исходной довоенной точке быть не может. Война явилась, на мой взгляд, переломным рубежом в массовом сознании всех без исключения социальных страт, включая и российское крестьянство.

С.Ю. Разин. Позвольте мне, в заключение, еще сказать несколько слов. Во многих выступлениях прозвучала очень важная мысль о том, что Первая мировая война – это столкновение Запада и, условно говоря, не-Запада, крестьянского в своей основе. Чем закончилось это столкновение? Можно говорить о том, что рухнули четыре традиционалистских евразийских империи. Но правомерно ли говорить о том, что модернизм победил традиционализм? Не обернулась

ли эта победа, если говорить в глобальном смысле, ретрадиционализацией всего мира? Это большой вопрос. Вопрос, на который сегодня прозвучали разные варианты ответов. Спасибо всем.

*Материалы подготовили к публикации
П.П. Марченя, С.Ю. Разин*

*The proceedings were prepared for publication by
P. Marchenya, S. Razin*

Авторы, аннотация, ключевые слова

Марченя Павел Петрович – канд. ист. наук, доцент Московского университета МВД России
marchenyap@mail.ru

Разин Сергей Юрьевич – доцент Института гуманитарного образования и информационных технологий (Москва)
razin_sergei@mail.ru

Публикуемые материалы отражают работу Международного круглого стола «Русское крестьянство и Первая мировая война», который состоялся 11 апреля 2014 г. в Москве, в Российском обществе историков-архивистов. Круглый стол был организован в соответствии с программой научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации». Материалы включают в себя выступления более 30-ти ученых, представляющих научные журналы, научно-исследовательские организации и высшие учебные заведения России, Беларуси, Украины. Помимо докладов, в материалах представлена наиболее содержательная часть дискуссии, которая состоялась между этими специалистами. Дискуссия касалась преимущественно различных аспектов взаимодействия крестьянства и власти, крестьянства и политических партий Российской империи в условиях Первой мировой войны, а также в ходе последовавших за ней событий, в том числе революции 1917 г. и Гражданской войны. Обсуждение носило междисциплинарный характер, использовались многие актуальные подходы и стратегии современного социального и гуманитарного знания: историко-антропологические, социокультурные, социально-психологические, геополитические, демографические, экономические, социологические, политологические, методы истории повседневности и другие.

Особое внимание было уделено изменениям, произошедшим в традиционном крестьянском образе жизни и крестьянском сознании в результате военных, модернизационных и революционных новаций. Также были обсуждены трансформация традиционного сельского общества в революционные массы, милитаризация крестьянского мира, эмансипация крестьянских женщин, социальные девиации, эскалация старых и новых кон-

фликтов на селе. Все это, по мнению участников круглого стола, привело к формированию в России новой социальной и политической реальности, чреватой революцией.

Первая мировая война, Российская империя, крестьянство, крестьянская община, крестьянское сознание, армия, массы, массовое сознание, революция, россиеведение

Authors, Abstract, Key words

Pavel P. Marchenya – Candidate of History, Associate Professor, Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia (Moscow, Russia)
marchenyap@mail.ru

Sergey Yu. Razin – Senior Lecturer, Institute for the Humanities and Arts and Informational Technologies (Moscow, Russia)
razin_sergei@mail.ru

The article covers the work of the International Round Table “Russian Peasantry and World War I” which was held on the 11th of April in Moscow by the Russian Association of Historians and Archivists. The round table was organized within the framework of the research project “The People and Power: Russian History and its Falsifications”. The proceedings include papers presented by more than 30 scholars from research journals, research institutions and universities of Russia, Belarus and Ukraine. They also cover the essential content of the discussions held by the experts mostly dealing with different aspects of interaction between the peasantry and the authority, between the peasantry and political parties of the Russian Empire during World War I and in the aftermath of the war, including the revolution of 1917. The discussion was of interdisciplinary character, with many modern approaches and strategies in social science and humanities being applied, such as historical and anthropological, socio-cultural, socio-psychological, geopolitical, demographic, economic, sociological, politological, etc.

A special attention is paid to changes which occurred in the peasants’ lifestyle and in their consciousness as a result of military, modernizing and revolutionary novelties. Also the discussion involved the transformation of traditional rustic society into revolutionary masses, the militarization of peasantry, the emancipation of peasant women, social deviation, the escalation of old and new conflicts in the countryside. All this was said to have brought about a new political reality fraught with a revolution.

World War I, Russian Empire, peasantry, peasant community, peasant consciousness, army, mass, mass consciousness, revolution, Russian studies